

Джек Лондон

Новый Перевод

БЕЛЫЙ КЛЫК

перевод *Алексея Козлова*

Джек Лондон

Белый Клык

«Издательские решения»

Лондон Д.

Белый Клык / Д. Лондон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-600361-3

Новый перевод Алексея Козлова повести Джека Лондона «Белый Клык» (1906). В повести описаны приключения Белого Клыка — свирепой помеси волка и собаки во времена Золотой Лихорадки на Аляске в конце XIX века.

ISBN 978-5-00-600361-3

© Лондон Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава I. КУСОК МЯСА	6
Глава II. ВОЛЧИЦА	12
Глава III. ГОЛОДНЫЙ ВОПЛЬ	19
Часть II	28
Глава I. ОСКАЛЕННЫЕ КЛЫКИ	28
Глава II. ЛОГОВО	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Белый Клык

Джек Лондон

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Джек Лондон, 2023

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2023

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2023

ISBN 978-5-0060-0361-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава I. КУСОК МЯСА

Тёмный, высокий еловый лес мрачно хмурился по обе стороны замерзшей в давешние морозы великой реки. Вчерашний вихрь сорвал с деревьев старый слежавшийся наст, и они, сливаясь в угасающем свете дня в тёмное, мутное крошево, склонились вершинами друг к другу, и порой казались чёрными, обугленными и потому особенно зловещими мертвецами. Вечная тишина смерти простиралась вокруг и царила во всей Вселенной. Сама же земля была пустынна, безвидна, гола, и так одинока и холодна, как будто самый дух её был духом мировой скорби, скованной вечным морозом. Над всё́м этим, однако, непрерывно звучал какой-то скрытый тайный хохот, и это был хохот более ужасающий, чем самая безутешная печаль земли, хохот жуткий, как улыбка египетского Сфинкса, хохот холодный, как сама мёрзлая стужа. Над всем царила мрачная нечеловеческая предначертанность. Властная и непередаваемая мудрость вечности, смеющаяся над жалкой тщетностью жизни и её мизерными усилиями – являла здесь свой лик. Это была дикая, мёртвая, заснувшая, навек заледеневшая северная твердь. Но и тут, как оказалось, теплилась жизнь, жизнь за гранью возможного, жизнь в стане непокорённых. Издали вниз по замерзшему водному устью убого тащилась сирая собачья упряжка. Собаки устали и то и дело прядали головами. От долгого натруженного движения их вздыбленный мех весь заиндевел. Их горячее дыхание сразу стыло в ледяном воздухе, и когда воздух с трудом извергался из их пасть, это были густые клубы пара, и влага тут же оседала на шкуры, замерзала и мгновенно превращалась в кристаллы искристого инея. На собаках была кожаная упряжь, привязанная ремнями к саням, которые тащились сзади. Сани были без полозьев. Повозок был сварганен из толстенной бересты, и весь налегал на снег. Передок саней сильно завёрнулся вверх, подобно древнему свитку, саням всё время приходилось сминать волны мягкого, пушистого снега, непрерывно накатывавшего спереди. Поверху саней был приторочен узкий, длинный ящик. Там же можно было обнаружить и другие вещи – пончо, топор, кофейник и сковороду, но, конечно, первое, на что поневоле падал досужий взор, был этот длиннющий, занимающий львиную долю свободного пространства, узкий серый ящик. Троица степенно продвигалась вперёд. Процессию возглавлял человек, в безмолвии устало прокладывавший путь своими широкими охотничьими лыжами. Он шёл чуть впереди собак. Второй отстал и, понурившись, плёлся позади саней. А вот на санях лежал третий, тот, кого навеки присмотрела и взяла к себе любвеобильная северная Глухомань, навсегда поставив крест на его тщетных земных потугах. Ещё и не таких ломал Север, ещё и не таких учил уму-разуму, лишая жизни, веры и движения, освобождая от необходимости каждый миг бороться с непобедимой, жестокой Природой. Северная Глухомань ненавидит движение, боится его, и потому каждый раз пытается убить и остановить его. Движение – это всегда Жизнь, а Глухомань презирает и ненавидит всякую вёрткую, презренную Жизнь. Лютой зимой Глухомань не устаёт колдовать над руслами рек, колядовать в черноте ночи, она вязко скользит над стремнинами, дышит на тёмные заводи, в которых стеной отражается перевернутый чёрный лес, леденит весело звенящую воду родников, обращая её в непроходимые жёлтые глыбы и наросты синего льда, и всё это только затем, чтобы отрешить воду от движения, не дать ей пробиться к морю, она никогда не успокаива-

ется, окутывая своими потоками стволы деревьев, исходя в корчах высосать из них все соки и изморозить их сохнувшие тела, а сердца превратить в чесный камень, и нет ничего более отвратительного для Северной Глухомани, чем живой Человек, невесть как преодолевший её бескрайнее пограничье и угодивший в её глубинные владения, а теперь невесть зачем скитающийся по бескрайней снежной пустыне. Именно его Глухомань пуце всего высматривает на необъятных просторах мерцающей, фосфорной тундры, именно ему она радуется больше всего, чтобы при встрече тут же накинуться на него своими игольчатыми хлёткими ветрами и царапнуть игольчатыми когтями стылого мороза, сломать и покорить, а потом навеки укрыть покорённого и сломленного человека в холодной роскоши белой алмазной шубы. Никто другой никогда не сталкивается с такой силой, свирепостью и мстительностью Северной Природы, как человек, ибо нет существа более гордого, мстительного и мятежного в мире, чем Человек, и первое, на что человек всегда, вот уже тысячи лет поднимает руку, против чего он всегда восстаёт и с чьей волей отказывается считаться – это Природа. Это Человек раз за разом бросает вызов непрелонной воле Северной Глухомани, чей вердикт неизменен: «Всякое движение должно быть пресечено! Живые должны умереть! Запомни это!» Но как она не старалась, как не вилась вьюга вокруг них, как ни вскипала ледяным мстительным гневом, позади низких саней по-прежнему шаг за шагом шли два гордых, неустрашимых и непокорных человека, не желавших расставаться с жизнью. Причин для паники не было. На них была тёплая меховая одежда и мягкая дублёная кожа защищала их тела. Они шли уже так долго, что все брови, ресницы и щёки сплошь скрылись под ледяной коркой от остывшего на морозе дыхания. Теперь их лиц почти не было видно, и на месте них сквозила белая снежная маска. У этих двоих был вид каких-то магических шарлатанов, северных колдунов или магов, которые, укрывшись масками и шкурами, совершают погребальны ритуал безвременно почившего призрака. Но они не были колдунами или магами, это были обычные люди, чем-то провlechённые в землю скорби, надменно хихикающего эха и убийственного безмолвия, одинокие героические наглецы, решившиеся воплотить свой дерзкий замысел и положившиеся на свои жалкие силёнки, дерзнувшие схватиться в честной схватке с дремлющей силой мира, такого далёкого и такого безжизненного, как и мёртвые просторы вселенского космоса. Им было не до пустопорожних раговоров. В неблизком пути надо было беречь дыхание. Физически ощущаемое безмолвие окружало их со всех сторон. Они испытывали дикое давление на свою психику, как водолаз на большой глубине испытывает сильное давление воды. Но ещё больше их угнетала неукоснительность действия законов зимнего леса. Этот ужас несмотря на всё добирался до самых глубин их угнетённого долгой усталостью сознания, добходило до самых тайников памяти, выдавливая из него, как сок из виноградных ягод, всё наносное, пустое, любые проявления самомнения и спеси, эти сущности, веками следующие по стопам человека, нависая над ними и напоминая каждую секунду, что они жалкие двуногие ничтожества, смертные и затравленные животные, пыль, мелкая мошкара, летящая, бредущая всегда наугад, живущая игрой случая и не ведающая о незыблемых законах кухни Матушки Природы. Минул час, миновал другой. Серый, приглушённый свет короткого северного дня начинал меркнуть. В зловещей мертвецкой тишине откуда-то из страшной дали слышался вибрирующий, слабый пока волчий вой. В доли секунды он взвивался от низких тихих нот до свой самой высокой ноты, и задержавшись на ней, вибрируя и не теряя силы, постепенно сошёл на нет. Странны были эти звуки. Так должно быть, воеет в аду страдающая, беспри-

ютная душа. И только животная дикая ярость, ощущавшаяся в нём, говорила о том, что это воет страшно голодный волк.

Услышав вой, шедший впереди остановился и бросил вопросительный взгляд в лицо второго, бредшего позади саней и тогда они кивнули друг другу. И снова наспувающий сумрак незримым остриём пронзил звериный вой. Два ходока остановились и прислушались, пытаясь определить направление источника звука. Звук летел из только пройденных ими ледяных просторов.

Снова прозвучал вой, но теперь это был ответ, и нёсся он из зарослей откуда-то левее.

– Билл! Это за нами погоня! – сказал шедший впереди. Хрипло, нереально и принуждённо звучал этот голос, как будто человек был давно болен и даже слова давались ему с трудом.

– Мясо стало редкостью! С гулькин нос еды! – ответил его комрад, – Я давным-давно не видел ни одного заячьего следа.

После этого, ничего не говоря, они долго вслушивались в тягучий вой, который, казалось, стлался по их следам.

Как только упала полная темнота, они направили собак к черневшим на берегу елям и стали устраивать привал. Домовина, поставленная теперь у костра, служила им одновременно и сиденьем и столом. Волкодавы-волкопсы, скопившись на другой стороне костра, повизгивали и порой устраивали мелкие, яростные свары, но иметь дело с окружающей кромешной темнотой, и отбегать в лес, желания не изъявляли.

– Что-то не нравится мне, как они жмутся к огню! – прокомментировал Билл.

Генри, гревший руки и священнодействовавший перед куостром в попытке обустроить на костре кофейник, набитый льдом, только кивнул в ответ. Необходимость поделиться мыслями у него появилась только после того, как он уселся на гроб и стал есть.

– Знают, почём фунт лиха! Своя шкура, как-никак, ближе к телу! Знают, где безопаснее, где кормёжка, а где они сами – желанный обед! Этих тварей вокруг пальца не проведёшь!

Билл только покачал головой в ответ.

– Ох, знать бы наверняка! Я ничего не знаю!

Его комрад теперь смотрел на него с пристальным любопытством.

– Первый раз вижу, чтобы тебе пришло в голову усомниться в их уме!

– Генри, – сказал тот другой, медленно пережёвывая вареные бобы, ты случайно не заметил, как сильно сегодня грызлись собаки во время кормёжки?

– Да, рвались они что-то слишком рьяно! – согласился Генри.

– Генри, скажи, сколько у тебя собак осталось?

– Шесть!

– Ладно, Генри... – на мгновение Билл остановился, как будто в попытке придать своим словам больше весомости, – Я тоже думаю, Генри, что у нас шесть собак. Я сосчитал шесть рыб, отложил их и дал каждой по её доле. И одной рыбы не хватило!

– Счёт не твоя фишка, братец!

– У нас шесть собак, ведь так? – продолжил твердить второй, – Я отложил шесть больших рыб! Я по одной дал рыб собакам, шести собакам я дапл шесть рыб... И одноухий остался без ужина!

Рот Генри остался полуобкрытым. Он прекратил пережёвывать пищу и посмотрел в сторону собак через пламя костра.

– Сейчас там шесть собак! – сказал Генри.

– Генри, я не утверждаю, что там были все собаки, но они съели семь рыб!
Шесть собак съели семь рыб!

– Я вижу! Там сейчас шесть собак!

– Там была ещё седьмая! Я видел своими глазами! – с ласковой упёртостью твердил Билл, – Семь! Их там было семь!

Генри с сострадательной брезгливостью посмотрел на товарища и сказал:

– Хорошо бы, чтобы всё это поскорее закончилось! А то не ровен час...

– Что ты имел в виду, Билл?

– А то, что как только мы обзавелись этим грузом, и стали его везти, ты стал чуть с катушек валиться! Я вижу, что от бессонницы тебе мерещится кругом чёрти знает что!

– Я подумывал над этим, – Билл был серьёзен, как никогда, – Но, послушай внимательно! Как только она скрылась в темноте, я встал и увидел следы, а потом пересчитал собак, слушай, их было ровно шесть! Следы вон там! Посмотри, если хочешь сам! Ну, ладно, пошли, покажу!

Генри, похоже, решил больше не участвовать в бессмысленном разговоре, и в крошечном молчании пережёвывал пищу. Проглотив последние бобы, он жадно выпил кружку кофе, удовлетворённо вытер рот тыльной стороной ладони и сказал:

– Так, значит, ты думаешь, что...

Долгий, томительный вой прервал его. Он остановился и стал слушать доносившиеся из темноты звуки, и удовлетворив своё любопытство, поспешив завершить начатую фразу, показывая пальцем на беспросветную темень:

– ...это пришелец оттуда?

Билл подтвердил.

– С какой стороны ни смотри, ничего другого тут не удумаешь! Ты же сам слышал, какую свару тут устроили собаки!

Вой повторялся раз за разом, через всё более короткие промежутки, кто-то издали отвечал воем на вой, и скоро тишину заменил сущий бедлам. Теперь со всех сторон слышалось тоскливое звучание, и перепуганные собаки всё ближе жались к костру, пока чуть не стали обжигать шкуры. Билл подкинул веток в костёр и стал прикуривать трубку.

– Я думаю, ты совсем развинулся, старик! – сказал Генри

– Генри... Генри... – сосредоточенно попыхивая трубкой, сказал Билл, – Генри! Я вот что думаю, Генри, вот он куда счастливее нас двоих! – Билл постучал пальцем по гробу, на котором они сейчас восседали, – Ты и я, когда умрём, это будет великой удачей, если над нами будет хоть кучка камней и нас не будут глодать бродячие собаки!

Но у нас нет ни родни, ни денег, – сказал Генри, подумав – кому придёт в голову везти нас из такой глухомани, чтобы похоронить по-человечески! Нам такие роскошества не по карману!

– Что-то до меня не доходит, Генри, не пойму я, и зачем парню, который в своей собственной стране был не то лордом, не то чем-то подобным, и ему даже думать не приходилось ни о вкусной еде, ни об одежде, и зачем такого человеку понесло в такую глухомань, рыскать по свету в этой богом забытой дыре?

– Да, сидел бы дома, был бы до сих пор живёхонек! – закивал Генри.

Билл было вознамерился открыть рот, чтобы что-то сказать, да мигом захлопнул его. Вместо того он погрузил руку в стену абсолютного, чёрного мрака, в котором царили размытые, неясные очертания, и устремил её в направлении пары горящих, как два ярких угля, глаза. Генри фиксировал вторую горящую пару, потом тре-

тью. Вокруг них замыкался круг неистовых, жаждущих, голодных глаз. Порой глаза на какое-то мгновение как будто закрывались, исчезали из поля зрения, и тут же снова начинали сверкать прежним блеском.

Собаки, уже давно не знавшие отдыха, всё больше впадали в беспокойство, пока наконец, будто по команде, не сбились в жалкую кучу в самого костра. Они как могли жались к ногам людей и ползали у самого костра. В этом сумбурек одна из собак оступилась и свалилась в костёр. Раздался громкий визг боли и страха, и вокруг сильно запахло палёной шерстью. Видно, от этого визга, кольцо пылающих глаз на мгновение разорвалось и даже отхлынуло, но как только всё успокоилось, кольцо глаз тут же вернулось на своё место.

– Генри! Беда страшная! Патронов маловато!

Билл докурил трубку и принялся помогать своему компаньону устраивать постель и обеляло поверх елового лапника, который он загодя, ещё перед ужином наломал и накидал на снег. Генри чертыхнулся и начал снимать с ног мокасины.

– Ты сказал... сколько у тебя зарядов ещё в запасе? – спросил он.

– Три! – прозвучало в ответ, – А надо не меньше трёх сотен! Я бы им показал, где черти зимуют!

Он яростно погрозил кулаком в сторону мерцающих глаз, и принялся водружать свои мокрые страшные мокасины перед огнём.

– И когда уже эти проклятые морозы кончатся? – продолжил он, – Пятьдесят градусов, да пятьдесят вот уже вторую неделю. Не надо было мне втравливаться в эту авантюру! Мне, Генри, всё это очень, скажу тебе честно, не нравится! Не по себе что-то мне здесь! Скорее бы всем нам вернуться – и тогда дело с концом! Эх, сидели бы теперь у камина в Форте Мак-Гарри, играли бы себе в Криббедж! Знаешь, только здесь я понимаю, сколько бы я дал сейчас за то, чтобы сидеть у камелька. Всё бы отдал за это!

Генри что-то забубнил себе под нос и стал укладываться на своё лежбище. Он уже подрёмывал, когда голос напарника поднял его:

– Скажи-ка, Генри... Меня вот что беспокоит... почему собаки не рычали и не кинулись на того, с седьмой рыбой?

– Ты сведёшь меня с ума, Билл! – последовал сонный ответ, – Что-то ты слишком нервный стал! Раньше за тобой такого не замечалось! Хватит пустой болтовни! Лучше постарайся выспаться! Выспишься – утром ни о чём таком даже не вспомнишь! У тебя наверно опять изжога, вот ты и куролесишь тут!

Мужчины спали, тяжело вздыхая, бок-о-бок, укрытые одним одеялом. Огонь в костре умирал, и мерцающие глаза сжимались вокруг лагеря всё более тесным кругом. Собаки повизгивали, оглашая округу угрожающим рыком, это означало, что одна из пар глаз подобралась к ним слишком близко. Наконец их лай стал таким громким, что Билл перевернулся на другой бок и проснулся.

Он осторожно стал вылезать из лежбища, чтобы случайно не разбудить друга, и подбросил сноп хвороста в костёр. Пламя весело заплясало, и сжавшийся, как пружина круг жадных глаз отхлынул назад. Протирая невыспавшиеся глаза, он бросил взгляд на собак, потом почему то посмотрел ещё раз, более пристально и снова залез под одеяло.

– Генри! – зашептал он, – Ох, Генри!

Генри издал клокочущий стон из горла, и едва отходя от сна, прохрипел:

– Ну, что там стряслось?

– Ничего! – ответил второй, – Да только их теперь снова семь! Я сам проверил!

– Эта информация была встречена взрывом сонного бурчания, через несколько секунд плавно перешедшего в густой храп. Услыша сигнал товарища, Билл тоже впал в сон. Утром он встал, и первым делом разбудил друга. Хотя было уже около шести часов, до рассвета оставалось ещё часа три. В кромешной темноте Генри стал готовить завтрак, а проснувшийся чуть позднее Билл стал сворачивать постель и бросать вещи в сани.

– Слушай, Генри, – неожиданно сказал он, – Сколько, как ты говорил, у нас было собак?

– Шесть!

– А вот и неправда! – триумфально изрёк он.

– Снова семь? – спросил Генри.

– Нет, теперь пять! Одной нет!

– Дьявольщина! – свирепо прорычал Генри, бросая готовить еду и пересчитывая псов.

– Билл! Ты был прав! – сказал он, – Фатти исчез!

– Он испарился так быстро, что никто не заметил! Поди-свищи его теперь!

– Пустое дело! – согласился Генри, – Сожрали живьём! Видать, визжал он, когда эти твари его рвали!

– Он был очень глупым псом! – сказал Билл.

– Но, согласись, даже у самого глупого псины хватит ума на то, чтобы не быть самоубийцей!

Он придирчивым взглядом оглядел собачью свору, как бы оценивая потенциальные возможности каждой собаки.

– Я не думаю, что от остальных можно ждать таких фортелей!

– Этих палкой от костра не отгонишь! – согласился Билл, – Я всегда подозревал, что у Фатти не всё хорошо с головой!

Такой была короткая эпитафия, посвящённая почившей собаке, невинной жертве Северного трака, не более скромная и патетическая, чем когда-либо произносилась над могилами не только собак, но и людей.

Глава II. ВОЛЧИЦА

Окончив завтрак и уложив свои пожитки на сани, Билл и Генри оставили свой готеприимный костёр и канули в темноте. И в то же мгновение вокруг раздался дикий, протяжный, голодный вой, он нёсся отовсюду из окружающего людей мрака и холода. Разговоры прекратились. В девять часов рассвело.

К полудню небо на юге на линии, где выпуклость Земли встала между меридианом Солнца и Северной Страной, стало розоветь. Но надолго розовое сияние не удержалось, и его сменил ровный серый свет, который к трём часам затуманился, померк и скоро над ледяной молчаливой пустыней снова пал полог тёмной арктической ночи.

С наступлением темноты крики погони, звериный вой стал близиться к путникам со всех сторон – справа и слева, сзади и даже спереди, он становился всё ближе, и порой так близко, что собаки начинали шугаться и метались в тесных построках в панических конвульсиях.

После того, когда Биллу и Генри с великим трудом удалось сладить с припадком звериной паники и успокоить собак, Билл сказал:

– Я надеюсь, они загонят какую-нибудь добычу! Иначе они нас в покое не оставят!

– Да, на нервы это сильно давит! Слушать такое удовольствие ниже среднего! – кивнул головой Генри.

До следующего привала тем для разговоров больше не нашлось.

Генри наклонился перед котелком с закипающими бобами, подкидывая туда куски льда, когда за его спиной польшался шум какого-то удара, истощный крик Билла и громкий лай собак. Он оглянулся и успел увидеть только смазанную тень какого-то зверя, мелькнувшего на снегу и мгновенно скрывшегося во мраке. Затем он увидел Билла, стоявшего в центре собачьей своры с наполовину триумфальным, наполовину угнетённым видом, и держащего в одной руке кол, а в другой хвост вяленой рыбы.

– Половины рыбины нет! – прокомментировал он, – Зато я всыпал ему по полной! Слышал, как он взвизгнул?

– Кто это был? – спросил Генри.

– Я не рассмотрел! Но у него были четыре ноги и хвост, а также пасть и шкура, какие есть у любой собаки!

– Может быть, ручной волк, чем чёрт не шутит?

– Что это, волк, не волк, кто знает, но тварь, являющаяся прямо к кормушке за рыбой и готовая схватить её – точно ручная.

Той ночью, когда они окончили ужин и сидели на облучке саней, попыхивая своими трубками, круг мерцающих глаз сужался всё теснее.

– Я надеюсь, что им попадётся по пути стадо лосей. Тогда они забьют лося и оставят нас в покое! – высказал пожелание Билл.

Генри забормотал что-то не вполне вежливое, и на четверть часа установилась гробовая тишина. Генри недвижно вперился в огонь, а Билл смотрел в другую сторону – на горящие угли ненавистных глаз, которые теперь поблёскивали с двух шагах от костра.

– Здорово было бы подвалить сейчас к Мак-Гарри! – снова оживился Билл.

– Хватит ныть! Здорово не здорово, не об этом речь! – взорвался Генри, – Я вижу, изжога тебя не оставляет, ты и скулишь! Возьми, выпей соды – тебе сразу полегчает, мне сразу с тобой станет легче! А то я думал, в ту ли я компанию попал!

Утром Генри был пробуждён бешеной руганью Билла. Генри продрал глаза и увидел Билла стоящим у самого костра среди собачьей своры и яростно размахивающим горящим кустом в руке.

– Аллё! – крикнул Генри, – Что там опять у тебя?

– Фрог пропал! – таков был ответ.

– Нет! Не может быть!

– Да! Я тебе говорю – пропал!

Генри сбросил одеяло с ног, спрыгнул с лежбища и бросился к собакам. Он стал нервно считать их, и сосчитав, присоединил свой одинокий голос к дуэту, состоящему из самых забористых проклятий, какие могут быть посланы к самому его величеству Северному Сиянию, промозглой северной тундре и проклятой глуши, виновным в том, что двое бедолаг лишились ещё одной собаки.

– Из всей свары Фрог был самым лучшим, самым сильным псом! – завершил мессидж Билл.

– А какой смышлённый и добрый был! Бывало...

Билл был так расстроен, что уже не слушал, что там бывало у Генри...

Такой была вторая погребальная эпиталама этого дня.

Стоит ли удивляться в каком мрачном настроении проходил их завтрак. Бобы не лезли в горло друзей, когда заливаясь слезами в душе, они запрягали уцелевшую четвёрку в сани. Этот день был точной копией всех остальных дней, проведённых в пути. Целый день они угрюмо брели по снежной равнине. Они двигались по ледяному миру без единого звука и только злобный вой невидимых, но неотвязных преследователей эхом сопровождал их. Волки гнались за ними по пятам, лишь изредка попадая на глаза путников. Новая ночь не сулила ничего хорошего. С приближением темноты вой становился всё внятнее, погоня сжималась всё более тесным кругом. Скоро началась какие-то истинное бесиво, от которого собаки почти сходили с ума, налезая друг на друга в пароксизме испуга, рвали построжки и почти вжимали людей в костёр. Всё это действовало на людей очень гнетуще.

– Вот так, теперь вы, тупые дурни, никуда от меня не скроетесь! – удовлетворённо констатировал Билл, тяжёл оусаживаясь во время очередной стоянки. Генри поддакнул, покачивая головой. – Только так Одноуха можно удержать. Его клыки так же просто могут перегрызть ремень, как нож рассекает масло.

– А как же иначе! – согласно закивал Билл, – Если пропадёт ещё хоть одна псина, я на целый день откажусь от кофе!

– Просто они понимают, что нам нечего им противопоставить! Убить их всех мы не в состоянии, и они об этом знают! – так прокомментировал ситуацию Генри, ложась на лапник и простирая руку на жадный круг горящих вождедением глаз. Теперь иногда становился виден контур зверя, они то отскакивали, то появлялись снова, меняли своё положение, и, похоже, смелели с каждым часом. Меж тем вдруг среди собак завязалась свара, которая привлекла внимание и Билла и Генри. Одноух остервенело грыз привязь, пытаясь освободиться и сбежать в темный лес. Он находился в самом возбуждённом состоянии и то бился, то ненадолго отступал назад, не уставая обглаживать толстую палку.

– Да!

– Ты видишь, Билл? – прошептал Генри. По краю круга, освещённого пламенем костра, сбоку неслышно, осторожными мелкими шажками скользнул хищник, кон-

туром схожий с собакой. Видны было, что он испытывает сильный страх, перебиваемый голодной наглостью, и устремлён всеми фибрами, всеми своими инстинктами к тоскливо жмущимся к костру собакам, и по всей видимости, отнюдь не с джентльменскими намереньями. Одноух рвался к незваному гостю, как будто тот был самым желанным гостем, но наткнувшись на то, что привязан накрепко к колу, тоскливо заскулил.

– Этот дурак Одноух, кажется, совсем не боится! – глухо сказал Билл

– Это она! Волчица! – едва слышно прошептал Генри, – Мне теперь понятно, что случилось с Фатти и Лягушонком. Она – всего лишь манок! Она выманивает наших собак за собой, а остальная волчья стая по команде бросается на них и сжирает! В огне треснула головня. Кусок пылающего дерева отлетел в сторону и, дымясь, громко зашипел в снегу. С этим звуком странный зверь одним прыжком переместился в ночной мрак.

– Генри, знаешь, о чём я думаю? – начал Билл.

– Думаешь о чём? -Я думаю, это была та, которая угодила под мой кол.

– Кто бы сомневался! – сказал Генри. -Ладно, я вот о чём думаю, – добавил Билл, – Странно, она так фамильярничаёт с костром, это удивительно! Я начинаю подозревать что-то...

– Она осведомлена во всём гораздо больше, чем это подобает хорошо воспитанной волчице – поддакнул Генри, – Волк, являющийся к собачьему застолью, как к себе домой – битая жизнью штучка!

– Ох! У старины Виллана некогда была собака, которая сбежала от него вместе с волками, – выстраивал свою логическую цепочку Билл, – Мне ли не знать такого! Мне удалось подстрелить её на лосином выгоне подле Литл-Стика. Старина Виллан рыдал, как дитя, когда снова увидел её. Он не видел её три года и встретились вот так! Бен бегал с волками целых три года!

– Я считаю, Билли, ты ахнул в самую точку! Этот волк на самом деле – собака, и ей долгое время приходилось брать пищу из рук хозяина!

– Только выпади мне шанс, и плевать, кто она там, псина или волк, уложу одной пулей, как падлу!

– Но у тебя есть в запасе только три пули! – напомнил Генри.

– Надеюсь, если бог даст, снять его с одного! – таков был ответ. С утра Генри сначала занялся костром и под оглушительный храп комрада принялся готовить завтрак.

– Ты так зажигательно спал, что я обзавидовался! – засмеялся Генри, пробуждая наконец товарища, – Я так любовался, как ты спишь! Грех было будить! Ещё пребывая наполовину в парах морфея, Билл взялся за еду. Он схватил кружку, чтобы запить бобы, но кружка была пуста. Он оглянулся и протянул руку за кофейником, но до корфейника не дотянулся, тот стоял далековато, под самым боком у Генри.

– Скажи-ка мне, Генри, – засмеявшись, упрекнул друга Билл, – Ты не забывал чего?

Генри посмотрел на друга бесстрастно и, покачав головой, бросил ему пустую кружку.

– Ты сам себя лишил кофе, Билл! – торжественно провозгласил Генри. -Всё? Кончился?

– Не тут-то было! -Опасаясь испортить мне желудок? -Ничуть! От гнева кровь прилила к лицу Билла.

– Ну и чего тогда ты удумал, расскажи-ка мне! -Спанкер исчез! – с беспристрастным лицом ответил Генри. Всосав воздух, Генри с видом абсолютного смирения повернул голову и не шевелясь, стал считать собак.

– Как это было? – обречённо спросил он. Генри передёрнул плечами.

– Не знаю! Думаю, Одноух перегрыз ему путы! Сам он бы до такого не додумался! -Чёртова мразь! – почти пропел Билл, стараясь подавить объявшаю его ярость, – Свои путы не мог перегрызть, так тут отличился – перегрыз ремень Спанкера!

– Ладно, муки Спанкера давно закончились! Нет сомнений, он теперь в желудках у волков, и они икают, переваривая его, – это была третья эпитафия, которую выпало произнести Генри на поминках собаки, – Хлебни кофейку, Билл! Билл горестно мотнул головой.

– На, не пыли! – посторил Генри, беря кофейник. Билл вырвал свою кружку из-под кофейника.

– Будь я проклят, если стану пить! Это я сам сказал, что кофе не мой, если собака пропадёт! Проклятье! Убери! Я не буду пить!

– Какой классный кофеёк! – пытался соблазнить его Генри, как будто смакуя горячую жидкость. Билл решил не сдаваться до конца и угрюмо всухомятку поглощал пищу, сопровождая каждый проглоченный кус фейерверком нецензурных ругательств и проклятий в адрес Одноуха с его мерзкими штуками. -Ночью придётся каждого привязывать отдельно! – пробурчал Билл, трогаясь в путь. Не успели они пройти и ста шагов, как Генри, который шёл первым, вдруг заметил что-то, попавшее ему под лыжу, и поднял этот предмет, не разглядев в темноте, что это было. Но ощупав, он понял, что это что-то противное и отшвырнул его назад, изта штука отскочила от саней и упала Биллу прямо на лыжу.

– Может, это тебе для чего-то понадобится! – обронил Генри. У Билла отвисла челюсть. Это было то, что осталось от бедного Спанкера – это был обломок палки, к которой была привязана шея бедной псины.

– Сожрали с потрохами! – сказал Билл, – Даже ремни на палке сожрали! Да! Голодают они не на шутку, Генри! Мы для них настоящая вкусняшка к обеду! Не попасть бы нам к ним на стол! Ты не хочешь попробоватьпопасть к ним на полдник? Генри издал принуждённый смешок. -Мне пока что ещё не приходилось удирать от волчих стай, но всякое было, пожалуй, было что и похуже, а я пока что ещё в добром виде и здравии! Жив, курилка! Билл, сынок, дюжины голодных тварей маловато, чтобы меня доконать! Обломиться им со мной сладить!

– Ой, не знаю! Не знаю! – забормотал Генри зловещим голосом. -Ладно, доберёмся как-нибудь до Мак-Гарри, увидим! -Я что-то не исхожу от энтузиазма! – настаивал Билл. -Ты что-то слишком пал духом, братец, и ничего более! – бодро заявил Генри, – Выпей-ка лучше хны! Дай бог, доберёмся до Мак-Гарри, ты уж не сетуй, вкачу тебе двойную порцию! Билл забормотал тут что-то несогласное с таким медицинским диагнозом, а потом замолк. И этот день ничем не отличался от остальных. Расцвело в девять утра. В двенадцать дня горизонт на юге окрасился бликом невидимого Солнца, и продолжился хмурый, короткий день, который через три часа должен был быть проглочен ночной тьмой.

После слабой попытки Солнца показаться на глаза и осветить розоватым светом горизонт, Билл наклонился над санями и вынул ружьё, говоря:

– Держись, Генри! Я пойду посмотрю, что там творится!

– Держись ближе к саням, Билл! – крикнул вслед ему Генри, – У тебя в запасе всего три патрона! Чёрт его знает, что может случиться!

– Вот и ты закричал! Тоже скулишь? – триумфально возгласил он.

Генри прекратил дозволенные речи, и дальше пошёл в одиночестве, всё время вращая головой и бросал пугливые взгляды в метущуюся мглу, где пропал его комрад.

Через час Билл вернулся, наискось догнав сани.

– Разбрелись по всей округе! – сказал он, – Рыскают везде и нас в прицеле держат, как и раньше! Им кажется, что мы почти в их когтях! У них куча терпения, не хотят упустить из своих клыков ничего вкусного!

– То бишь, им втемяшилось, что мы уже на их столе? – испуганно повторил за ним Генри.

Но Билл уже не слушал его.

– Мне удалось увидеть многих из них! Тощие, как смерть! Похоже, у них во рту давно не было ни крошки, ну если не считать, Фатти, Лягушонка и Спанкера! Там такая тьма-тьмущая этих тварей, что они съели их, даже не заметив, что что-то поели! Они отощали так, что непонятно, как в них жизнь ещё держится! Одни рёбра! Не рёбра просто, а стиральная доска! До края докатились! А голод может поневоле лишит их всякой осторожности, не приведи бог – бросаться! Нам надо держать ушки на макушке! Вот что я скажу!

Несколькими минутами позже Генри, шедший позади саней, остановился и громко засвистел.

Билл услышал предостережение и остановил процессию. Из-за поворота, который только что остался позади, вырвался сильный, поджарый хищник и помчался по их свежим следам. Порой он принюхивался к следам, а потом продолжал свой лёгкий, летящий бег. Тут он, видимо заметил, что люди остановились, и остановился сам, устремив чуткий нос в направлении доносившихся до него соблазнительных запахов.

– Смотри! Вот она! Волчица! – зашептал Билл.

Собаки испуганно улеглись на снегу. Билл обогнул сани и встал рядом с товарищем, замершим позади саней. Теперь они в четыре глаза разглядывали странного хищника, который с таким невероятным упорством шёл за ними следом, между делом уничтожив половину их собачьей своры.

Присмотревшись к стоящим на его пути, зверь сделал несколько мягких шагов по их направлению. Он остановился и снова сделал несколько шагов вперёд. Так он делал несколько раз, пока не оказался в ста ярдах от саней. Потом он надолго замер под елью, и принюхиваясь, наконец поднял голову и замер, внимательно изучая две стоящие перед ним фигуры. Это был невесёлый взгляд. В этом взгляде была неизбывная собачья грусть, но без малейшей собачьей приниженности. В нём светилась неизбывная голодная тоска, тоска животного, которого клыки голода и лютой стужи схватили железной хваткой за горло.

Пожалуй, можно сказать, что хищник был слишком великоват для волка, в любом случае, невзирая на чудовищную худобу, это был одна из самых представительных особей этой породы.

– Ростом не менее двух с половиной футов! – сказал Генри, – От ушей до хвоста явно не менее пяти футов!

– Для волка у него какая-то необычная расцветка! – поддакнул Билл, – Мне что-то никогда не попадались рыжие волки! А масть этого какая-то красно-коричневая! Странно!

Это было не так. Хищник на самом деле был покрыт самой обычной волчьей шерстью.

Определяющим окрасом шерсти был серый, однако едва видный рыжеватый оттенок, то хорошо видный, то исчезающий, давал ложное впечатление огненной рыжины. -Клянусь честью, это просто большая ездовая хаски, – сказал Билл, посмотрев на товарища, – только какая-то слишком крупная! Сейчас, того и гляди, начнёт хвостом вилять! – Хэлло, Хаски! – заорал он, – Поди сюда! Как там тебя по имени?

– Смотри! Совсем тебя не боится! – хохотнул Генри. Билл замахал руками и закричал ещё громче, но никакого страха хищник не проявлял, сохраняя при этом свою былую настороженность. Его угрюмый голодный взгляд продолжал впериваться в путников. Только мясо было перед его глазами, и было видно, как он изголодался. Окажись у него храбрости чуть больше, он бы бросился на людей с голодным ражем, готовый сожрать их всех в одну минуту.

– Смотри лучше, Генри! – сказал Билл, инстинктивно понизив голос до глухого хрипа, – У нас есть три патрона. Один выстрел – и она труп! Не промахнись только! Из-за неё мы лишились трёх псов, надо наконец положить этому конец! Что думаешь? Генри довольно поддакнул ему, закивав головой. Билл как можно осторожнее потянулся к саням и стал доставать ствол. Наконец он вынул ружьё и стал поднимать к плечу. Но не успел прицелиться, как хищник одним прыжком покинул тропу и скрылся в еловой чаще. Друзья уставились друг на друга. Генри издал долгий многозначительный свист.

– Чёрт! Не сообразил! – огорчился Билл и бросил ружьё в сани, – Конечно, как волчице не знать ружья, если она даже знает время кормёжки собак. Генри, все наши несчастья из-за этой умной твари! Она во всём виновата! Из-за неё мы лишились половины собак! Не будь её, у нас было бы шесть псов, а теперь осталось только три! Я этого так не оставлю, Генри! Я доберусь до этой твари! Выслежу её, чего бы это мне ни стоило! На открытой местности этого не сделать – она слишком осторожна! Я убью её из засады!

– Только не удаляйся слишком от меня! – посоветовал ему Генри, – Они могут наброситься на тебя одного всей сворой, тогда три патрона будут для тебя тем же, что припарка для мёртвого! Они уже доходят от голода! Ты, Билл, смотри у меня, не попади к ним на зубок!

Раньше обычного они стали разбивать лагерь. Три оставшиеся собаки уже не справлялись с долгим, тяжёлым бегом, они шли теперь медленнее, и не могли делать слишком долгие переходы. Наконец путникам стало ясно, что собаки совсем выбились из сил. Билл накрепко привязал трёх псов подалеже друг от друга, чтобы они не могли грызть у друг друга ремни, и приятели буквально свалились с ног и сразу же заснули. На их несчастье волки, словно чувствуя слабеющую добычу, с каждым часом набегали всё ближе и приходилось всё время подниматься, подбрасывать дров в костёр и отгонять наглеющих хищников пылающей головнёй.

– Мне рассказывал один матрос, что акулы иногда целыми неделями любят плыть за кораблём! – наконец сказал Билл, устало залезая под остывшее одеяло после одного из таких походов к костру, – Эти поганые волчары – просто какие-то сухопутные акулы! Они знают прекрасно, что делают, и преследуют нас не из чистого мотрона! Чуют что-то! Генри! Мы им не попадёмся в пасть, как думаешь? Я что-то упал духом! Чую, съедят они нас, съедят!

– Тебе конец, братан! Ты кончен, только заговорив об этом! Прекрати! – попытался заткнуть погребальные речи напарника Генри, – Знай, порки боишься, считай тебя уже выпороли, а если видишь себя в зубах волков – ты уже там!

– Они и не таких ушляков уgomонили! – прошептал Билл.

– Кончай скулить, сопляк чёртгов! Сил моих нет слушать тебя!

Генри с шумом перевернулся на другой бок, тревожно осознавая, что Билл молчит и больше ничего не говорит. Это был плохой знак, совершенно на него не похоже! Он всегда разъярялся, когда они вздорили о всяких пустяках. Прежде чем Генри снова удалось заснуть, он долго томительно раздумывал над этим, ворочаясь, но скоро его глаза слиплись и последней его мыслью его было: «Что-то захандрил Билл! Завтра надо заняться им! Взбодрить его чем-нибудь!»

Глава III. ГОЛОДНЫЙ ВОПЛЬ

Следующий день начинался, как могло сначала показаться, довольно удачно. Радоваться было чему. На сей раз за ночь не пропало ни одной собаки и после завтрака Билл и Генри боевито двинулись в путь среди крошечного холодного безмолвия и мрака. Билл как будто не вспоминал о своих вчерашних дурных предчувствиях, и даже стал шутливо играть с собаками после того, как они опрокинули на одном из поворотов сани в снег. Всё смешалось в кучу малу. Сани перевернулись и застряли между елью и огромным валуном, и чтобы распутать этот клубок, пришлось выпрягать собак. И в тот момент, когда Билл и Гарри взялись с одной стороны за сани, собираясь перевернуть их, краем глаза Генри увидел, что Одноух припустил в лес.

– Стоять, Одноух! Стоять! – закричал он, вскакивая с колен и горестно бросая последний взгляд вслед убегающей собаке.

Но услышав грозные призывы хозяина, Одноухий запетлял и, оглядываясь и поджав хвост, ещё стремительнее припустил от саней. Сзади него по снегу волочились постромки.

А там, вдали, на только что проложенной колее, недвижная, его ждала волчица. Приблизившись к ней, Одноух замедлился, наострил уши, медленно подскочил к ней и замер. Его настороженный взгляд сосредоточился на ней, это был недоверчивый, но вождедеющий взор. Волчица смотрела на него, оскалившись, сверкая белыми клыками, как будто улыбаясь своей завлекающей улыбкой, а потом стала игриво подпрыгивать вокруг него. Вдруг она застыла. Одноух сделал ещё пару шагов и ещё ближе подскочил к ней, с ещё опасливым видом, но уже задирая нос и всё сильнее задирая голову и ещё более наострив уши. Он пытался обнюхать её, но она отпрянула, продолжая нежно заигрывать с ним. На каждый его шаг следовал её шаг назад. Незаметно, шаг за шагом, Одноух всё больше вовлекался в эту опасную игру, всё дальше отрывался от своих единственных защитников - Генри и Билла. В какое-то мгновение сознание Одноуха как будто коснулось смутное опасение. Он отпрянул головой и стал смотреть на перевёрнутые сани, на своих впряжённых товарищей по упряжке и на людей, что-то кричащих ему вслед. Но будто почувствовав коснувшиеся Одноуха сомнения, волчица одним движением развеяла его тревогу – подскочила у нему и ласково ткнулась ему в морду носом, а потом, виляя хвостом, стала игриво отходить всё дальше по в лес.

На миг замороженный этим зрелищем, Билл наконец пришёл в себя и бросился искать ружьё. Добраться до него было непросто, ружьё лежало под перевёрнутыми санями. Пока они возились с санями, пока Генри разбирал пожитки, Одноух и волчица оказались так близко друг к другу, что никакой речи о прицельной стрельбе уже не было, столь силен был риск подстрелить Одноуха. Увы, бедный Одноух слишком поздно осознал свою ошибку, слишком поздно. Ещё не вполне осознавая, что случилось, Билл и Генри в четыре глаза увидели, как их бедный пёс вдруг вздрогнул и стремглав припустил назад. В следующий миг из тьмы выскочила дюжина худых, как смерть, серых волков, стремительно летевших наперерез Одноухому, отсекая ему путь к спасению. Ничего не осталось от лживой игривости волчицы – с диким рычанием она кинулась на Одноухого. Тому удалось отшвырнуть её плечом, и увидев, что прямой путь к саням отрезан, бросился улепётывать от волков круглым путём. С каждой секундой волчья стая становилась всё более многочисленной, из тьмы выныривали всё новые и новые волки, поодиночке или даже парами. Вол-

чица стремительно неслась в одном прыжке от Одноуха, всё более распалаясь жаждой настичь его.

– Куда гонишь! – внезапно заорал Генри, ухватив напарника за плечо.

Билл с силой сбросил руку друга.

– Я больше не могу! – кричал он, – Я не дам им больше костей ни одной моей собаки! Я помогу ему!

Ружьё в руке, он бросился сквозь хлеставший по щекам мёрзлый кустарник, росший по берегам узкого речного русла. Его замысел был совершенно прозрачен – приняв чани за центр круга, вокруг которого шёл загон его собаки, Билл хотел пересечь этот круг и по кратчайшему пути настичь собаку в точке, которой ещё не достигла стая. Белым днём, с оружием в руках, разогнать волчью стаю и спасти пса было вполне достижимой целью.

– Билл, поберегись! – нёсся вдогонку крик Генри, – Осторожно, брат! Не делай глупостей!

Генри бессильно опустился на верх саней и стал ожидать, чем всё это кончится. А что ему оставалось делать? Он больше ничем не мог помочь другу. Билл давно скрылся из глаз, но время от времени то здесь, то там, среди куп чахлах елей то появлялся, то пропадал бедный Одноух. Наконец до Генри дошло, что положение пса совершенно безнадежно. Смертельная опасность и жажда жизни гнала Одноуха по внешнему кругу, и он всё более ускорял бег, но стая волков бежала по внутреннему кругу, и неминуемо должны была рано или поздно настичь его. Никакого шанса, что Одноуху удастся сильно опередить озлобленную, жаждущую крови свору, пересечь её путь и добраться до саней. Обе траектории в какое-то мгновение должны были неминуемо сомкнуться. Где-то там, за густыми зарослями, под тёмными елями, среди сухих сучьев должна была состояться встреча озлобленной волчьей своры, Одноуха и Билла. Но даже он не предполагал, как стремительно всё произойдёт. Вдруг прогремел выстрел, ещё один, ещё, два последних прозвучали почти одновременно, и до Гери дошло, что Билл теперь безоружен. Визги, урчание, вой и треск сучьев огласили воздух. Из общей какофонии звуков на мгновение выделился отчаянный голос Одноуха, голос ужаса и боли, и смертельный вой раненого волка. Всё. Всё кончилось. Рычания больше не слышалось. Визг стих. Над бескрайней холодной пустыней недвижноты и мрака пала кромешная тишина.

Уткнувшись глазами в землю, Генри раскачивался, сидя на санях. Куда-то идти, куда-то бежать теперь не имело никакого смысла, картина трагедии зримо стояла у него перед глазами, так, как будто он сам побывал там. Он вскочил и дрожащими руками вытащил из саней топор, но внезапно без сил снова опустился на сани и замер в угрюмой позе. Два оставшихся живыми пса вжались в его ноги и дрожали всем телом от ужаса. Сколько он так сидел, он не понимал. Наконец его что-то подняло, и одеревенело поднявшись, он, совершенно обессиленный, стал механически запрягать сани. Две собаки уже не могли тащить сани. Генри впрягся в одну постромку и вместе с собаками потащил сани. Идти долго он был не в состоянии. Скоро он остановился, набрал как можно больше хвороста и сучьев, потом принялся кормить собак, наскоро поужинал и подле самого костра постелил себе лежбище.

Но предаться желанному сну ему не дали. Только он успел закрыть усталые глаза, как почувствовал, что волки не просто рядом, они совсем близко. Теперь их можно было разглядеть невооружённым взглядом. Тесное волчье кольцо угрюмо окружало сани, всё ещё не осмеливаясь подступить к костру. Скровь прикрытые веки Генри отчётливо видел, как одни лежали, уставившись в огонь, другие сидели касаясь друг друга плечами, третьи нервно, рывок за рывком в страшном напря-

жени подползали всё ближе к костру. Остальные бродили вокруг, принохиваясь и прядая ушами. Кое-какие из волков дремали, другие спали мертвецким сном, свернувшись клубком на исхоженном снегу, ничем не отличаясь от собак. Волки спали, а у Генри не было даже малейшей возможности заснуть хотя бы на минуту. Генри вынужден был поддерживать всё более сильный огонь, чтобы не давать волкам приблизиться. Больше всего на свете волки боялись огня, и только огонь незримой преградой стоял между голодным вождением волков и ничем не защищённым Генри. Обе уцелевшие собаки продолжали дрожать у ног хозяина, одна у правой ноги, другая – у левой. В их жалких глазах теплились остатки надежды, что он спасёт их, они поочерёдно пордвывали, скулили и норовили уткнуть морды в его одежду. Иногда они начинали отрывисто лаять, сообщая Генри, что тот или иной окончательно обнаглевший хищник подобрался слишком близко. При звуках лая вся волчья орда приходила мгновенно в хаотическое движение, волки вскакивали и начинали метаться, рычать и выть, а потом, когда лай стихал, быстро успокаивались и снова засыпали, сворачиваясь тесными клубками на снегу.

Круг сомкнулся ещё теснее. Теперь волки скопились в каком-то одном прыжке от саней и костра и дюйм за дюймом неуклонно подползали всё ближе и ближе, пока не оказывались лицом к лицу с измученным человеком. Тогда человек выхватывал из огня горящую голованью и швырял её в морды волков. С звериным воем и рычанием орда волков отскакивала назад, и если головня попадала в замешкавшегося хищника, раздавался отчаянный визг и вой.

Утром Генри иссяк совсем. Он сник, осунулся, от многодневной бессонницы глаза его впали и покраснели. В темноте он принялся готовить себе завтрак, а около девяти утра, наконец принялся за дело, которое уже долгое время занимало его голову. Он принялся рубить молодые ели, потом стал вязать из к стволам высоких деревьев и в конце концов устроил помост, а потом с помощью веревок построил, сумел страшными усилиями поднять гроб и установить его на помосте.

– Им удалось добраться до Билла, может быть, вы, твари, доберётесь и до меня, до вас, милостивый государь, им никогда не добраться! – хрипло прорёк он, обращаясь к недвижному мертвецу, теперь уже окончательно погребённому высоко над землёй, на помосте, в мёрзлых ветвях деревьев.

Завершив эти дела, Генри тронулся в путь. Собаки что было сил тянули порошние сани, подгоняемые сзади сознанием страшной опасности, они чуяли опасность может быть, даже сильнее, чем её чувствовал усталый человек, немилосердно подгонявший их движение. Собаки как будто понимали, что опасность для них схлынет только тогда, когда они смогут добраться до Форта Мак-Гарри.

Скоро волки совсем обнаглели – теперь они не прятались в лесу, не дожидались темноты, но спокойной трусцой сопровождали сани, далеко высунув языки, тяжело поводя опавшими от голода боками. Не будь положение таким трагическим, Билл мог бы даже посочувствовать волкам, было видно, до какого состояния они были доведены голодом и усталостью. Худобу этих волков было трудно даже представить – это воистину была только кожа, да кости, а когда они бежали сзади саней, на плечах у них вздувались жевлаки мышц, больше похожие на большие верёвочные узлы. Глядя на них, Генри, несмотря на свою крайнюю усталость, то и дело изумлялся, откуда в этих животных такие силы, как они после того, что им выпало испытать, ещё держатся на ногах и ещё до сих пор не испустили дух?

Теперь он больше всего боялся к ночи быть застигнутым в пути. К полудню Солнце не только согрело своим свечением край неба, но и своим золотым краешком показалось на горизонте. Генри был обрадован. Это показалось ему благим зна-

ком. Генри ощущал, как быстро начинают удлиняться дни. Солнце уже решило вернуться в родные таёжные края. Но как только его светлые лучи снова померкли, Генри, не дожидаясь основной темноты, стал устраиваться на привал. Полная темнота должна была наступить спустя несколько часов серого, нудного межвременья и тяжёлых, медленно накатывающих сумерек, которые были потрачены Генри на пополнение запасов хвороста и сухих поленьев. Дров требовалось очень много.

С ночной темнотой грянул ужас. Волки просто бесновались вокруг, а ночь без сна окончательно изнурила Генри. Закутанный одеялом, он сидел у костра, и на всякий случай держал топор между ног. Он всё время клевал носом, дремота, как он ни старался её побороть, одолевала его. Собаки, знавшие, что Генри остаётся их единственной защитой и опорой, покорно уткнулись ему в ноги и сидели, притихшие и испуганные. Посреди ночи, словно понукаемый чем-то, Генри проснулся и широко открыл глаза. В какой-то дюжине футов от него он увидел морду одного из самых крупных волков стаи. Словно уже не испытывая страха, зверь спокойно потягивался всем телом, а потом зевнул прямо в лицо Генри, как будто насмехаясь над ним, как будто заявляя этим, что он теперь собственник своей добычи, и Генри скоро так или иначе достанется ему. Постепенно эта уверенность усваивалась и всей остальной стаей. Генри удалось насчитать не менее двух дюжин зрелых волчьих особей, которые, вперившись в тьму горящими глазами, окружали его всё более тесным кольцом. Половина волков отдохала, свернувшись пушистыми клубками на снегу. Бодрствующие взирали на Генри, как на добычу, которая с минуты на минуту должна достаться им. Теперь вся стая укрепилась в убеждённости, что развязка жизни Генри наступит очень скоро. Эти две дюжины хищников почему-то напоминали ему маленьких детишек, которым у рождественской ёлке родители пообещали роскошные подарки, и вот они уже заждались лакомств и игрушек. И, как в каком-то страшном сне, пред глазами десятков голодных, горящих вождедением глаз, этим самым долгожданным лакомством предстояло стать ему, Генри. «Когда же эти твари планируют начать застолье? Похоже, они принимают меня за гостеприимного хозяина!» – спрашивал себя Генри. Уверенность, что близится развязка, точно овладела всей стаей. Этого уже невозможно было скрыть. И Генри поймал себя на странных размышлениях. Теперь он совсем по-другому, чем раньше, смотрел на своё тело. Он вдруг стал задумываться о первопричинах такой чудесной, связанной работе мышц, рассматривал фаланги своих пальцев, то раскрывая пятерню, то сжимая пальцы в кулак. Костёр бросал причудливые блики на его манипуляции, на то, как медленно он поворачивал свой кулак, как поодиночке сгибал и разгибал пальцы поодиночке, как снова и снова растопыривал пальцы веером. Он вдруг совсем другими глазами стал видеть свои отросшие ногти, он постоянно смотрел и трогал кончики пальцев с загрубевшей морщинистой кожей, как будто проверяя, осталась ли его кожа столь же чувствительной, как была когда-то. Он вдруг проникся чувством совершенства человеческой природы, стал испытывать к своему телу почти нежность, настолько ко гармонично оно было, настолько умно организовано и так гармонично слажено. Отвлёкшись от этих возвышенных мыслей, он вдруг бросил взгляд на волков, сплотивших в неопишимо тесный круг, взгляд этот был боязлив, и вдруг стал ужасен – Генри внезапно осознал, что его тело, его совершенное, чудесно сгармонизированное и необычайно живое тело – всего лишь мясо – вожделенная плоть для изголодавшихся хищников, которые не только готовы приступить к трапезе, они на самом деле будут рвать его сухожилия и дробить кости, расчленять внутренности и мясо, выбрасывать мозг на снег, он вдруг воочию увидел, как они будут глодать и урчать, глотая кровавое мясо, как будет утоляться их голод, сменяясь пресыщен-

ностью и довольством. Он понимал, что перед ним просто проходит будущее, что перед ним не волки, а их голод, требующий немедленного утоления, точно так же, как голод Генри порой требовал утоления и был насыщен лосиным мясом или зайчатинной. Он уже не понимал, спит ли он, бодрствует или находится вне себя. Ущипнув себя за руку, Генри очнулся от кошмарной дремоты, которая граничила с безумием, и вдруг прямо перед собой узрел рыжую волчицу. Она была совсем близко, не более, чем в шести футах от очнувшегося путника и какими-то невыразимо тоскливыми глазами смотрела ему прямо в лицо. Собаки жались к ногам Генри, рычали и повизгивали, но для рыжей волчицы они словно не существовали на свете, она как будто в упор не замечала их. Это словно был поединок взглядов. Волчица, впилавшись глазами в лицо Генри, и Генри не отрываясь смотрел в глаза волчицы. Это продолжалось несколько минут, в течение которых их взгляды скрещивались. Как ни странно, никакой свирепости в этом взгляде не наблюдалось. В нём отражалась звериная тоска, но Генри понимал, что её причиной является тот же голод. Генри был для волчицы всего лишь поджаристым окороком на блюде, и она смотрела на него только с точки зрения своих грядущих вкусовых ощущений. Она разинула пасть, и из неё на снег капала слюна. Волчица уже не могла сдерживать своих инстинктов и жадно облизывалась длинным, красным языком, предвкушая запах свежей плоти. Ужас, безумный ужас объял Генри. Он бросил руку к костру, пытаясь выловить из костра горящую головню, но не успел он это сделать, как волчица, почувствовав его инстинктивный позыв и отхлынула мгновенно назад. Генри показалось её проведение странно знакомым – так вели себя собаки, в которых хозяева швырялись каждый день всем, чем угодно. Вдруг волчица злобно оскалила белые клыки, так что стали видны дёсны и зарычала, а когда он глянул в её глаза, он увидел, что теперь в них не осталось ни капли тоски, а мечутся искры дикой звериной злобы. Генри задрожал от страха. В мутном мареве он искоса взглянул на свою руку, и заметил, что его рука, подчиняясь только инстинкту, всё сильнее сжимает горячую головню, чувствуя каждую впадину, каждую корявую выпуклость, он чувствовал, как мизинец, казалось, вне его воли, сам собой скользил вниз от слишком обжигающей коры – он увидел это, и в ту же минуту пред ним предстало видение его жуткого конца, он увидел, как оскаленные, белоснежные зубы разъярённой волчицы с хрустом вонзаются в его тонкие, изящные пальцы и разорвут их. Ужасная тоска волной прокатилась по сердцу Генри, ибо никогда его брэнное, незащитное тело не казалось таким ужасно чужим и незащитным, никогда Генри так не ощущал сумасшедшую ценность жизни, как сейчас, когда она уже почти ничего не стоила. Генри уже не понимал, как ему удавалось всю ночь, почти полностью утратив разум и сознание, отбиваться от бесконечных наскоков озверевших хищников. Перед ним мелькали двоящиеся морды, летающая по воздуху головня, он просыпался от отчаянного визга своих собак, и снова впадал в минутное забытьё. Он уже не понимал ничего, даже не понимал, откуда у него брались силы продолжать борьбу. Настало утро, но на сей раз оно не испугало волков. Напрасны были его ожидания, что резкий утренний свет разгонит беснующуюся свару. Тесным кольцом, всё более вертлявые и наглые, они обступали полыхающий костёр, и их наглая уверенность в своих силах наконец вынесла остатки спасительного мужества, которое явилось к нему вместе с молочным светом нарастающего утра. Генри попытался тронуться дальше, но как только он сделал шаг от спасительного огня, как самый борзый, самый крупный волчара отчаянно бросился на него. Генри спасло только то, что плохо рассчитанный прыжок волка был неточен. Волк промахнулся. Генри спасся только тем, что смог мгновенно отпрыгнуть и услышал, как зубы волка щёлкнули в каких-то шести дюймах от его

бедра. Вся свора заметалась вокруг человека. Мелькающие серые тени и мелькающие всполохи огня слились в какой-то странный, дикий и ритмичный танец. Наконец огненная головня отбросила волков на безопасное расстояние.

Теперь даже дневной свет не гарантировал, что человек сможет безопасно удалиться от костра. Не удавалось сделать даже пару шагов, чтобы нарубить сухого хвороста. До ближайшей огромной засохшей ели было не менее двадцати шагов. Полдня Генри растягивал цепь кострищ, пытаясь дотянуться до этой ели, и каждую минуту этого ужасного дня ему нужно было держать наготове несколько горящих веток, чтобы хоть как-то защититься от своих преследователей. Когда, измученный, он достиг цели, почти ничего не соображая, он осмотрелся, ища, где валяется больше хвороста, чтобы срубить ель в ту сторону.

Следующая ночь была идеальным слепком ночи предыдущей, если не учитывать одного мелкого отличия, что теперь Генри утратил способность сражаться с накатывающим сном. Дикий визг и рыки собак теперь не пробуждали его. Может быть причиной этого было то, что теперь собаки визжали, не переставая, всю ночь и усталый, убитый мозг не улавливал в этих звуках отличий тембра и их рычание было просто шумом.

Сколько он пребывал в абсолютном забытьи, о нем не знал, ено вдруг, как от удара молнии, проснулся. Волчица стояла совсем рядом. Практически между ними не оставалось промежутка, и Генри механическим движением ткнул факелом ей в пасть. Хрипло завывая от боли, волчица отпрянула от него, и Генри ощутил волшебный запах палёной волчьей шерсти со сладкими обертонами свежего палёного мяса. Эта картина навсегда застыла в мозгу Генри: он лежит у костра и волчица, воя и ооскалившись стоит всего в пяти шагах от него.

Но сегодня, погружаясь в сон, Генри привязал к пальцу правой руки тлеющий еловый сучок. Только он успевал закрыть глаза, как острая боль пробуждала его. Это продолжалось час за часом. Он просыпался от боли, разгонял метущуюся свору горящими головнями, привязывал сучок к пальцу и терял сознание. Всё продолжалось, как надо, можно сказать, всё шло хорошо, пока в одно прекрасное мгновение Генри не удалось хорошо приладить сучок и он, как только Генри смежил глаза, выпал из его руки.

Ему явился странный сон. Ему пригрезилось, что он в Форту Мак-Гарри. Тепло. Уютно. И он засел за игру в Кребидж с начальником Фактории. И тут до него дошло, что волки взяли форт в осаду. Они выстроились у ворот Форта и воют в голос, а он играет с начальником форта в крэббидж, и время от времени они отвлекаются от игры, чтобы посмеяться над тщетными надеждами волчьей стаи добраться до них. Какое нелепое, неисполнимое желание – проникнуть внутрь форта. А потом вдруг, о, что за странный сон снился ему, раздался громкий треск и шум. Дверь оказалась распахнута настежь. И он увидел волков, врывающихся сплошным потоком в большой холл. Они бросились на него и Начальника Фактории. Не успела дверь распахнуться, как вой и рычание стало нестерпимо громким, и от него нельзя было никак отвлечься, вой был всюду. Вдруг что-то в его сне мгновенно поменялось. Генри забеспокоился. Настроение его, очертания окружающего быстро менялись, но что менялось вокруг он не мог понять, оглушённый, озадаченный этим непрекращающимся воем. Тут он внезапно пробудился, и понял, что теперь слышит вой наяву. Как будто по чьей-то команде волки кинулись всей толпой на него. Клыки одной наглой твари впились ему в руку. Инстинктивно он подался и отпрыгнул в костёр, уже в воздухе ощутив резкую боль – острый клык полоснул его по щиколотке. И в пламени грянула огненная битва. Толстые рукавицы не давали огню

обжечь его руки, горящие угли летели во все стороны, шипели в снегу, изрыгая клубы вонючего дыма и пара, чёрный силуэт человека вертелся среди всполохов, как какой-то дьявольский абрис, а костёр разгорался наподобие взрывающегося и исходящего гневом вулкана. Жизнь – самое желанное, бесценное, не оценённое и не оценемое жостояние человека. И всё живое, так же, как человек, сражается за жизнь до полседнего мгновения, до последнего биения своего сердца. Генри бился за свою жизнь неистово, воя и разбрасывая волков мощными ударами ног и рук. Но долго так продолжаться не могло, силы его уже были на исходе. Его лицо ваздымалось багровыми волдырями, от его роскошных бровей и ресниц ничего не осталось, ещё мгновение и его ноги подкосились бы от нестерпимого жара. В его руках оказались две большие головни, и он совершил дикий прыжок, очутившись с краю костра. Волки, не ожидавшие такого стремительного напора, отхлынули. Угли, угли, угли летели по воздуху и с шипением вгрызались в снег, снег злобно огрызался, шипел, и отчаянные прыжки, вой и взвизги свидетельствовали о том, что волки наступали на раскалённые угли, фыркая и рыча.

Головни летели во все стороны, и расшвыряв их, человеку, завертелся на месте на снегу, пытаясь охладить пылающие ноги. Он не обнаружил собак рядом с собой и ему было понятно, что они уже давно стали блюдом на затянувшемся пикнике, который начался в Фэтти, и судя по всему в ближайшие дни закончится поблизости, в каком-нибудь перерелеске, когда на стол волчьей стае подадут жаркое из него самого.

– Не добратья вам до меня, твари! – неистово заорал он, бешено молотя кулаками перед собой, и грозя своим непримиримым врагам. Звук его голоса привлёк волков и ещё больше сплотил из круг, а предводительница разбойников, волчица ещё на несколько шагов неспешно подошла к нему и недвижно уставилась ему в лицо трагическими, голодными глазами.

В его голове проносился вихрь взъерошенных мыслей, что делать, что предпринять, чтобы спастись, как обороняться от наглеющих хищников. Теперь вокруг него широким кругом полыхал костёр. Он бросил постель на подтаивающий снег и уселся на ней, испытав наконец чувство временной защищённости. На некоторое время стая застыла в ступоре. Перед ней стояла стена огня и потенциальный обед куда-то исчез с глаз. Что бы это могло значить? Никогда ещё стая не видела огня так близко, никогда ещё она не располагалась в такой близости к костру. И вот это случилось. Зевая и прядаяф головами, волки разленглись возле самого огня, ощущая никогда не испытанное сонное, благостное чувство тепла. Собаки ползали, позёвывали, жмурились, глядя на огонь. Ивдруг волчица-начальница воздела голову ввысь и завыла. Другие волки подтянулись, и стали потихоньку подвывать ей, скоро к вою присоединились остальные, и вся стая, закинув голову к небу завылап тоскливую песню Голода.

Уже светало. Незаметно стало светло и снег уже поблёскивал на возвышениях. Костёр умирал, кончались последние запасы хвороста, и новый хворост был недоступен. Человек попытался выйти за пределы круга, но толпа волков втретила его, волки с воем бросались ему навстречу, заставив его вернуться под защиту огненного круга. Горящий факел всё ещё заставлял их вскакивать и шарахаться, но теперь они уже не убегали от огненных всполохов. Попытки человека отогнать их были теперь тщетны. Наконец человек смирился с тщетностью своих попыток и застыл внутри огненного круга. В этот миг один из волков не выдержал и прыгнул на него, не слишком рассчитав траекторию полёта. Угодив всеми четырьмя лапами прямо в полымя огня, он завизжал, и вырвавшись из пламени, стал крутиться на снегу, с воем осту-

жая лапы и зализывая подпаленную шкуру. От страха волк не переставал выть, клацал зубами и истошно топтался на месте, ощущая острую боль в обожжённых ногах.

Сгорбленный человек, как немотствующая статуя, недвижно сидел, качаясь на одеяле. Его опавшие плечи, склонённая голова и закрытые глаза яснее ясного говорили о том, что у него не осталось больше сил продолжать эту страшную борьбу. Изредка человек вздымал голову и тупо смотрел в костёр невидящим взглядом. Костры вокруг него умирали, теперь это огонь не стоял сплошной стеной, а распался на несколько тлеющих пожарищ. Кое-где костёр погас совсем и появились чёрные палёные прогалы.

– Что ж, теперь я в вашей власти! – пробормотал почти смирившийся человек, – Но теперь мне наплевать на всё! Я хочу спать! Спать!

Спустя какое-то время он очнулся от зыбытья, не понимая, где он, кто он, но когда очнулся, перед ним снова сидела та же волчица, впериваясь в его лицо пристальным холодным взглядом.

Он на время потерял сознание, это минуты забытья показались ему часами смерти. Когда он очнулся и приподнял голову, он инстинктивно ощутил, что что-то произошло. Во всём ощущалась какая-то неуловимая перемена. А человек, почти не испытывавший человеческих чувств за это время стал очень чуток к проявлениям своих инстинктов. Нет, что-то серьёзное случилось! Но что именно, он долго не мог понять. И вдруг до него дошло – волки, волки, преследовавшие его много дней, исчезли. Их не было. Ни одного. Только снег вокруг угасшего полностью костра был истоптан до такой степени, что можно было понять, как близко, как смертельно близко они подходили к нему.

Вал обволакивающей дремоты объял Генри, он уже не мог бороться со сном и уронил голову на колени, но внезапно через миг вздрогнул и открыл глаза.

Он услышал человеческие голоса, в этом не могло быть никаких сомнений, он услышал близкий скрип снега под полозьями, лай собак и ещё множество звуков, которые сопровождают человеческое присутствие и которые более слышны тому, кто давно жил вдали от людей.

Мелькая между заснеженными деревьями от белого полотна реки к его стоянке двигалась четвёрка нарт. Четверо человек мигом окружили Генри и склонились над его телом, скрючившимся посреди чёрного, кое-где дымящегося пепелища. Он почти не реагировал на их крики и попытки привести его в чувство. Они тормозили и толкали его, но Генри только клевал носом и мычал в ответ. Он был будто пьян и только что-то монотонно бормотал в ответ.

– Эта рыжуха! Рыжая волчица! Она мешалась с собаками во время кормёжки... Первым делом жрала собачий корм, потом – собак... И в конце концов сожрала Билла...

– Где лорд Альфред? – зарычал один из присутствующих, не уверенный, что Генри услышит даже такой громкий рык, и затряс его за плечо. Генри медленно мотнул головой, как будто отмахиваясь от жуткого видения.

– Нет! Его она не сожрала! Он покоится в кронах, в нашем прежнем кампусе...

– Мёртв? – зашептал мужчина.

– Ещё как! В гробу! – из последних сил отверз рот Генри, гневно освобождаясь от руки, сильно сдавившей его плечо, – Парень! Оставь меня в покое! Всем сладких снов! Гуд найт, парни!

Глаза Генри затуманились, веки затрепетали и его голова снова опустилась. Ему позволили распластаться на одеяле, его тело бессильно обмякло, Генри затих,

и через мгновение колкий, морозный воздух тундры огласился громким, богатырским, героическим храпом. Генри уже ничего не слышал, но все остальные слышали издали иные звуки. Вдали, так далеко, что звуки были смазаны и едва различимы, слышался слитный, тоскливый вой большой волчьей стаи. Стае не было теперь никакого дела до Генри и вообще людей, она гналась за другой добычей, давно забыв о человеке, которого пощадила Судьба.

Часть II

Глава I. ОСКАЛЕННЫЕ КЛЫКИ

Это была она – Рыжая Волчица, умная и осторожная. Едва она услышала первые звуки человеческих голосов издали, она тревожно оглянулась и отпрыгнула от человека, уже совершенно обречённого, в её очах превращавшегося в каплуна, лежащего на блюде. Дабыча ускользнула прямо из зубов хищницы, было чему огорчиться и пролить слезу. Как привороженная, как приклеенная, не смея оторваться от желанной добычи, ещё несколько мгновений она стояла на месте, пристально всматриваясь в свою загнанную в угол добычу, а потом несмело метнулась назад, остановилась и прыгнула в сторону, повернув голову в направлении посторонних звуков, несколько минут прислушиваясь, едва шевеля ушами, и кинулась прочь, в чащу. Стая мгновенно пришла в движение и бросилась за ней следом. Большой серый волк, один из вожаков, бежал впереди волков. Именно он направлял стаю по следам волчицы, зло огрызаясь на своих более молодых соперников и лязгая на них клыками, когда они пытались вырваться вперёд. И это он, завидев вдали волчицу, неспешно бежавшую по свежему снегу, первый затрусил по направлению к ней, ускоряя шаги.

Он нагнал её, и она побежала рядом с ним, впереди стаи, и никто не выразил сомнения в её праве быть впереди, словно это было её законное место. Он не огрызался и не кидался на неё, когда она случайным прыжком вырывалась вперёд, совсем наоборот, всем своим видом он показывал, сколь дружелюбно, сколь мирно он настроен по отношению к ней, и как ему приятно бежать с ней рядом. Но волчице это было явно не по вкусу, она нервничала, огрызалась и злобно скалила зубы, стараясь не подпустить вожака слишком близко к себе. Порой дело доходило до предупредительных укусов в плечо бегущего рядом сней волка. Но даже когда она кусала вожака в плечо, он не реагировал и почти не выказывал злобы, только отпрыгивал в сторону и делал несколько мелких скачков, своим видом чрезвычайно напоминая пристыженного неумелого деревенского ухажёра., которому не очень удаётся продемонстрировать своё ухарство. Самоуправство волчицы было единственным, что препятствовало ему быть единовластным диктатором стаи. Но у самой волчицы были иные горести.

С другой стороны волчицу сопровождал иссохший, старый, облезлый волк, шкура которого пестрела отметками былых страшных битв. Всё время переходя он держался справа от бегущей волчицы. Причина этого была крайне простой – у волка был всего один глаз, и глаз этот был левый. Старый, потрёпанный жизнью волк то и дело теснил её, сковывая её движение, тыкался своей исполосованной шрамами мордой то ей в плечо, то в шею, то в бок. Каждое такое ухаживание встречалось громким лязгом её зубов, и доставляло ей хлопот не менее, чем ухаживанья волка, бежавшего с другой стороны, когда они начинали конкурировать за её внимание и мешали ей бежать, тыкаясь с обеих сторон, ей приходилось туго, потому что одновременно ей надо было огрызаться от назойливых приставал, а с другой не сбиваться с темпа стаи и смотреть себе под ноги. Когда она пригибала голову к земле, два волка взирали друг на друга и злобно рычали, скаля белые зубы. В другой обстановке поединок был бы неминуем, но теперь их быстрый бег спланивался гораздо

более сильным и повелительным чувством – чувством сильного голода, который вот уже несколько недель подтачивал силы волчьей стаи.

После каждого своего неудачного наскока старый волк на мгновение отставал от цели своих вожделий и мордой к морде сталкивался с молодым трёхлеткой, бежавшим справа, натыкался на всезрячее слепое око старого волка. Трёхлеток был на пике своей молодости и силы, и казалось, что изо всей стаи он единственный, кто полноценно сохранил свои силы, по крайней мере, по сравнению со всеми другими. На фоне остальных, уставших и истомлённых голодом и холодом волков он выглядел, как огурчик и выделялся своей весёлой живостью. Он обнаглел настолько, что нёс свою голову на уровне плеча старого волка, уже не обращая никакого внимания на железную волчью иерархию. Его не смущало даже то, что когда он оказывался вровень с плечом старикана, тот злобно раскрывал пасть и обдавал молодого наглеца лязгом зубов и мерзким рычанием, которое на время возвращало юного наглеца на место. Порой трёхлеток терял интерес к конкуренции со старым, облезлым патриархом, тогда он отставал и пытался не мытьём, так катаньем втиснуться между ним и молодой волчицей. Но его маневры встречали лютой двойной, если не тройной отпор. Стоило ему ткнуть в бок волчицы, как она издавала предупреждающий рык, и старый волк останавливался и бросался с воем на волка. Волчица иной раз присоединялась к старцу и тоже бросалась на трёхлетку, привлекая за собой крупного самца, бежавшего слева от неё.

Когда три оскаленные пасти вставали перед ним, юный волк замирал, приседал на задних лапах, напряжинивался, ошетиживался всем своим телом и злобно скалил зубы. Эти постоянные стычки сопровождалась замешательством и в задних рядах. Тыкаясь в замершего волка, задние напирали на него, и выражали своё возмущение, кусая за ляжки и бока. Это были опасные игры. Хищники были голодны, а голод, зверская жестокость и ярость обычно ходят нога в ногу. Но юность весела и нагла, в этом её сила, и юный четвероногий повеса продоолжал экспериментировать, испытывая терпение стаи, хотя его потуги не имели ни малейшего успеха, только создавая ему неприятности и проблемы.

Окажись у стаи хоть какая-то достойная добыча, окажись чувство голода насыщенным хотя бы наполовину, стая, мгновенно увлечённая борьбой за самок и любовь, рассеялась бы в одно мгновение. Но сейчас даже представить такое было невозможно. Стая находилась на краю гибели, и положение её членов было воистину отчаянным. Красноречивее всего были слезящиеся глаза, ввалившиеся рёбра и тяжёлое дыхание животные, их замедленные, натруженные движения и одышка. Волки едва стояли на ногах и двигались в таком замедленном темпе, что казались какими-то механическими сомнамбулами. Хвост процессии замыкали самые малые и слабые слабые. Здесь волки были больше похожи на живые скелеты, чем на полноценных хищников. Самые сильные волки продолжали торить путь, сменяя друг друга в голове колонны. Но как ни странно, зрительно, в движениях этих хищников, пожалуй за исключением хромых и покалеченных, не было заметно малейшей усталости. Их мышцы, как железные кантары, раза за разом, приводили в действие конечности волков, и их ровное дыхание говорило о том, скорль долго ещё они способны выносить эти немцыслимые испытания. Шаг, второй, третий, четвёртый, и не было конца их бегу по белой замороженной пустыне.

Это был один из тех дней, когда волки преодолели чудовищное расстояние. Они бежали весь день. Они бежали всю ночь. Они уже не видели ничего вокруг, ни днём, ни ночью, кроме уходящего назад ледяного поля, этого белого морока. Холодный свет нового дня осветил ледяные пустыни, а они продолжали свой бег,

как будто понимая, что только в этом отчаянном движении у них остаётся надежда на выживание. Бежать вперёд и наткнуться на других живых существ, разорвать их на куски и съесть, насытиться – в этом была их единственная надежда. Жить! Жить! Выжить!

Множество реч и водоразделов привелось пересечь и обнюхать им, немало ручьёв, полузасынанных снегом и наростами льда, пока удача не постучалась к ним. Наконец у ручья в низине стая наткнулась на лосей. Первым, кого волкам удалось затравить, был старый лось-самец. Впервые за долгое время жизнь лукаво подмигнула волкам. Перед ними было доступное мясо и его не защищали не трубы, выбрасывающие свирепый огонь, ни костёр, ни головни в руках жестоких двуногих. Эта добыча была более доступной – раздвоенные копыта и ветвистые рога были более знакомы волкам, здесь терпеть долго не приходилось, и преследование было недолгим. Схватка была короткой и жестокой. Лось был окружён волками со всех сторон и бежать ему было некуда. Жуткими ударами копыт он дробил волкам кости и рвал животы, крушил черепа, а его громадные рога с хрустом вонзались в кости молодняка. Лось катался по снегу, давя зазевавшихся хищников. Долго лосю удавалось подминать волков под себя и весом своего тела ломать им кости, но было件нятно, что какая бы сила жизни не обуяла его, он уже обречён, и гибель близка. Скоро ноги лося подломились и он оказался на снегу. Остервенелые зубы волчицы схлестнулись на его горле, а всё остальное оказалось во власти клыков других волков. Не дожидаясь момента, когда лось затихнет, визжа и рыча, волки начали рвать ещё бившееся животное на части.

Теперь еды было вдоволь. Самец лося весил не менее восьмисот фунтов – на круг по двадцать фунтов свежего мяса на каждую алчущую глотку. Волки были воистину верующими тварями и то смирение, те вытупавшие рёбра, с которыми они встречали голод, всё хэто исчерпывалось энтузиазмом и быстротой, с которой они теперь рвали и заглатывали кровавую плоть. Через несколько минут от живого, цветущего животного осталось всего лишь несколько мерцающих на снегу костей.

Теперь настало время развлечений, сна и отдыха. С полным желудком, самцы, что помоложе, стали скоро драться и выяснять отношения. Ссор становилось всё больше, и этот хаос продолжался все дни которые остались до раскола стаи. Голод закончился. Волки ушли. Они перешли в страну, где можно было свободно охотиться, где было много добычи. По-прежнему они загонялись дичь всей стаей, но теперь их тактика изменилась – теперь они острожно выслеживали лосиные стада и отсекали от основной массы животных стельных самок или старых, больных самцов.

Нет ничего хуже, чем испытать невыносимый голод, усесться за королевский стол. Страна изобилия расколола единую, дружную стаю волков на две враждующие стаи. Волчица и юный вожак, слендовавший за ней слева и одноглазый старец, державшийся от волчицы справа, повернули половину стаи на восток, на реку Маккензи, и далее – в Озёрный Край. Увы, каждый новый день только уменьшал их и так небольшую стаю. Волки искали и находили себе пары, и уходили. Всё время лязгали острые клыки, всё время изгоняли жадных на самок одиноких волков. И в конце концов в связке осталось только четверо волков – Волчица, Юный вожак, Одноглазый Патриарх и Наглый Трёхлеток. В ту пору нрав Волчицы стал совершенно несносен. Все три её ухажёра носили на себе следы её зубов, но никто из самцов не смел покушаться на её здоровье. Они не отвечали на её свирепые укусы. Их плечи были искусаны, а сами они не реагировали на укусы, только покорно семенили вокруг и жалко виляли хвостами, пытаясь задобрить её непримиримую сви-

репость. Но если по отношению к волчице они проявляли поистине ангельское терпение, то по отношению друг к другу были свирепы, как никто. Трёхлеток вообще превратился в какой-то комок неуправляемой агрессии, и бросался в драку при первой же возможности. Один раз, когда ссора перешла в свирепую схватку, он оказался с той стороны, где старик в силу вытекшего глаза ничего не видел, и одним рывком разодрал тому ухо. Но он недооценил волю и опыт старика. Отсутствие глаза и морда в шрамах сами по себе демонстрировали, какого рода был его многолетний опыт и жизненная мудрость. Немыслимое количество битв, в которых он участвовал и побеждал, автоматически подсказали ему, как он должен поступить в данном случае. Схватка началась точно так же, как до того начинались все схватки, начало боя было честным, но конец его оказался невиданно подл. Никто бы не смог предвидеть её исход, если бы на сторону битого, старого вожака не встал молодой. В одно мгновение картина битвы переменялась, и двое волков как по команде остервенело накинулись на одинокого трёхлетка. Не успел он и глазом моргнуть, как свирепые клыки его безжалостных четвероногих собратьев вонзились в него со всех сторон. Никто из них даже не вспомнил счастливые времена, когда они вместе загоняли дичь, вместе охотились, добычу, которая так сплывала их на протяжении многих лет, когда они могли убить её только совместными усилиями, никто не вспомнил голод, который жестоко терзал их и сплывал их не меньше, потому что давал смутную надежду на лучшие времена в будущем. Теперь всё это было сдано в архив и стало уделом жалкого прошлого. Любовь и жажда размножения теперь отодвинула всё неважное. Это было чувство гораздо более насущное, гораздо более жестокое и суровое, чем голод. К тому времени волчица, источник всех прей, уселась неподалёку в совершеннейшем довольстве и принялась наблюдать за баталией. Судя по её поведению, было похоже, что всё происходящее ей даже нравится. Вот он, её час, пришёл, явился, так редко наступали такие святые мгновения, когда шесть на холке дыбом, клык попирает клык, кость рвёт, кромсает полосует податливую плоть, – и вся эта кутерьма происходит теперь только ради неё. И бедных трёхлеток, которому было невдомёк, что существуют такие жестокие нравы и отношения, сразу поплатился за свою наивность жизнью. Его соперники недвижно замерли теперь над его бездыханным телом. Из взгляды были устремлены на улыбающуюся волчицу, недвижно сидевшую на глубоком снегу. Волчица благодарно улыбалась им. Старый волк был мудр. Он был мудр не только в битвах, но и в любовных шашнях. Юный вожак отвернул голову и стал зализывать порванное плечо. Теперь он не видел старца и легкомысленно подставил тому свой вздыбленный загривок. Единственный уцелевший глаз патриарха поймал момент, когда ему выпадал стопроцентный шанс. Таким удобным случаем не воспользоваться было невозможно. Его прыжок в сторону молодого соперника был молниеносен. В полёте даже теперь торжествующий триумфатор не мог забывать об осторожности. Ему всё равно надо было быть начеку. По простодушной привычке он ожидал агрессивного отпора, и его простодушная душа была потрясена, когда приблизившись к волчице, он не увидел её ощеренных зубов – впервые за всё время их совместного путешествия он был встречен столь ласково. Её нос обнюхался с его носом, а потом запрыгала и стала резвиться вокруг него, как маленький, глупый щеночек. И он тоже, позабыв про свои зрелые года и суровую жизненную мудрость, тоже вдруг превратился в глупого, дурашливого щенка, может быть, даже более глупого, чем волчица. Мгновенно вылетели из головы и были отброшены и поверженные конкуренты, и красочная сказка их любви, кровью начертанная на белом снегу. Всё было забыто, и вспомнилось лишь единожды, когда Одноглаз на мгновение наострился

и застыл, понукаемый нуждой зализать ноющие раны. Тогда затряслись в злобом ошуре его губы и шесть на загривке встала дыбом, когти жёстко загребли стылый наст, а тело на мгновение вытянулось и выгнулось, словно готовясь к последнему броску. Но и мгновение ещё не было исчерпано, когда иные чувства вынесли его агрессивность из головы, и с новым, удивительным, никогда не испытанным чувством он припус тилв след за волчицей, нежно увлекавшей его в таинственную лесную чащобу. И теперь он и бежали рядом, бок-о-бок, словно старые, добрые приятели, наконец, после месяцев недопонимани я, нашедшие гармонию. Дни шли за днями, а они продолжали быть вместе – вместе охотились, вместе убивали, вместе рвали добычу и вместе пожирали горячую плоть. Но скоро Волчицей овладело невесть почему объявшее её беспокойство. Казалось, что она находится в поисках чего-то непонятого ей самой, и никак не может это найти. Теперь её манили таинственные укромные местечки под завалами упавших вековых стволов, и она часами могла приюхиваться к слегка припорошенным снегом распадкам, к заснеженным корявым впадинам в утёсах и труднодоступные пещеры в крутых берегах на излучинах рек. Старый Одноглаз всем этим интересовался не очень сильно, но увлекаемый её инстинктом, по-прежнему послушно следовал за ней, а когда эти поиски оказывались слишком надоедливими, он просто ложился на наст и долго лежал, поджидая её. Они никогда надолго не засиживались на одном месте, и быстро преодолевали пустынные пространства, пока не очутились на реке Маккензи, и отсюда, уже без всякой спешки отправились вдоль берега, изредка сворачивая в тёмные распадки вдоль мелких притоков реки, где они искали добычу. Впрочем, после таких стремительны вылазок, они быстро возвращались к реке, и подолгу отдыхали здесь. На пути порой они встречались с бродячими волчьими парами, но никогда при этом не вцыказывали ни излишней агрессии к встреченным, ни малейшего дружелюбия. Никакого желания снова собраться в большую стаю теперь у них не было. Иногда им на глаза попадались и старые волки-одиночки. Эти самцы без всякого сомнения с большим удовольствием примкнули бы к Одноглазу и его подруге, но Одноглаз не обращал на них ровным счётом никакого внимания, а если они сталкивались с преувеличенным вниманием, волчица прижималась к его холке, замерев плечом к плечу к нему и стоило ей только оскалить клыки и оцетиниться, как незадачливые чужаки отступали и нехотя поворачивали вспять, продолжая свой опасный и непредсказуемый жизненный путь.. Как-то раз ясной лунной ночью они неустанно бежали по тихому, словно заколдованному лесу. И вдруг Одноглаз остановился и замер на месте. Его морда задралась кверху, хвост напряжился и живые, чуткие ноздри затрепетали. Он напряжённо нюхал воздух. Потом он опустил голову и поднял лапу, как делают служебные собаки. Он явно был чем-то встревожен, и поэтому продолжал прислушиваться и приюхиваться, стараясь осознать, хорошую или плохую весть несёт им этот запах. Вслед за ним волчица тоже подняла голову и втянула воздух и помчалась дальше, подталкивая и ободряя своего спутника. По-прежнему обеспокоенный, он следовал за ней, то и дело замирая, чтобы оценить степень угрозы и предостережение, которое донёс до него порыв ветра. Переступая короткими аккуратными шажками, волчица вышла на большое открытое пространство безлюдной поляны. Какое-то время она стояла там недвижно одна. Затем Одноглаз с видом неопикуемой настороженности и страха, неуверенно подошёл и встал рядом с ней. Теперь они стояли бок-о-бок, напрягшись в ожидании, внимательно всматриваясь вдаль и, поводя носами, приюхиваясь к незнакомым запахам. До их ушей, доносились звуки собачьей свары, хриплые крики мужчин, визгливые взвизги женщин и к этой вакханалии присоединялся тонкий, жалобный

вой ребёнка. На открытом пространстве высивился хорошо видные высокие, снаружи обитые кожей животных, вигвамы, в костре метались длинные языки пламени, размывавшие мутные контуры человеческих фигур и вверх всходили спокойные столбы серого дыма. Ноздри воолка и волчицы уловили несметные оттенки запахов индейского поселка, загадочные для Одноглаза и совершенно незнакомые волчице. Первой странное волнение и последовавший за ним испуг почувствовала Волчица, но как ним странно к некоторым запахам она принюхивалась со всё большим и большим удовольствием. Их чуткие ноздри втягивали массу запахов индейского посёлка, и все эти запахи ровным счётом ничего не говорили Одноглазу, но были до боли близки волчице. Впитывая эти драгоценные запахи, волчица постепенно впадала в странное, непреодолимое волнение, и она вдыхала их с растущим наслаждением. Однако Одноглаз не испытывал ничего, кроме томительного сомнения. Его плечо нервно дёрнулось, и это движение сразу выдало его опасения. Видя смятение партнёра, волчица повернулась к нему, ткнула носом в шею, как будто пытаясь вселить в него уверенность, и снова вернулась к созерцанию далёкого посёлка. Глаза её были исполнены тоски, но это не была тоска, вызванная голодом. Дрожь охватила волчицу. Её гнало непреодолимое желание вниз, в этот посёлок, подойти к этим ярким кострам, тут же ввязаться в непрекращающуюся собачью свару, всё время уворачиваясь вёрткими ногами от вездесущих людей в шкурах и их хаотичных шагов.

Одноглаз держался рядом с ней, нервно притаптывая свежий снег, пока не почувствовал, как медленно и неуклонно бывшее волнение настигает Волчицу вместе с непреодолимой тяфгой найти нечто то ли давно потерянное то ли столь долго искомое. Она отскочила и, повернувшись лицом к лесу, быстно понеслась к нему, стремясь поскорее укрыться под пологом вековых елей. Одноглаз с лёгким сердцем последовал за ней, испытывая, сам не зная отчего, великое облегчение.

Поодиночке, бесшумные, как тени, беззвучно скользя в осиянном луной лесу, они наконец наткнулись на знакомую тропку и принюхались к снегу под ногами. Ба, следы на тропинке были свежи, как этот мир. Первым по ним шёл Одноглаз, его подруга мягко следовала за ним по пятам. Мерно падали на свежий мягкий снег их широкие, сильные лапы с толстыми бархатными подушками. Так продолжалось довольно долго. И вдруг единственный глаз самца узрел нечто белое на столь же кипельной снежной глади. Скользящая проступь Одноглаза скрадывала стремительность его бега, и было видно, что он возбуждён и отбросил последнюю осторожность. Невнятное, белое пятно плясало вдали пред ним, заставляя его ускорять бег и умножая хищные инстинкты.

Их вела узкая, тёмная прогалина, заросшая по сторонам молодой порослью весёлых зелёных елей и плавно вытекавшая на большую, залитую ярким лунным светом поляну. Оба ясно чужали запах свежих следов на снегу. Эти следы приковывали своей свежестью внимание волков. Окноок всё убыстрял бег, с каждым шагом настигая мелькавшее перед ним размытое, сжимавшееся на фоне снега на вельветовое пятно. Вот оно уже оказалось совсем близко от него. Ещё один удачный прыжок и его зубы вонзятся в жертву. Но этого завершающего прыжка так и не последовало. Белое пятно оказалось зайцем, который одним махом взлетел высоко над ними в воздух и прямо над головой Одноглаза стал выделять какие-то шутовские пассы, подпрыгивая и извиваясь, как будто в каком-то фантазмагорическом танце. С коротким гневливым фырком Одноглаз отпрыгнул и, растопырившись в боевой стойке, зарычал на этот страшный предмет. Но волчица с достоинством обогнула его, выбрала момент, приноровилась и прыгнула, пытаясь достать зайца. Высок был её прыжок но неточен, о чём свидетельствовал громкий лязг её зубов. Она

не прекратила прыгать, снова и снова взвываясь в попытке достать добычу. Одноглаз, приподняв голову, с интересом наблюдал за подругой. Наконец ему надоело наблюдать за её позорными промахами, и он вступил в дело сам – со следующим прыжком он ухватил зайца зубами и мягко опустил вместе с ним на снег. Внезапно ухо волка уловило какой-то подозрительный скрип сбоку, а в единственном глазу волка промелькнула покачивающаяся и сильно согнутая молодая ель, которая, казалось, угрожала ударить его. Острое чувство опасности остановило волка, его челюсть разжалась, он выпустил из пасти добычу и остошно метнулся в сторону, пытаясь уйти от неведомой опасности. В горле его клокотало глухое рычание, ярость и ужас вздыбили его густую шерсть на загривке. А молодая ёлочка внезапно выпрямилась и ушлый заяц снова нелепо задрыгался высоко в воздухе. Волчица впала в неистовую ярость. Она бросилась на Одноглаза и укусила его в плечо, а он, ещё не придя от внезапного приступа слабости и страха, остервенился от неожиданного наскока волчицы и полоснул её по морде острым клыком. Этот неожиданный отпор от партнёра ещё больше разгорячил Волчицу, тем более, что ничего подобного она совершенно не ожидала, и она с ходу кинулась на Одноглаза, исходя визгливым разъярённым рыком. До Одноглаза, кажется, сразу дошла его ошибка, и он попытался умиловать разъярённую подругу, но она не собиралась утихомириваться и неистово кусала его. Тогда смирённый этим приступом гнева Одноглаз сдался и только уворачивался, крутясь на месте, и лишь подставляя злобным зубам любимой то одно, то другое плечо. Меж тем заячья пляска в воздухе не прекращалась. Упёршись в зайца хмурым взором, волчица замерла, усевшись на снегу. Одноглаз, запуганный припадком гнева волчицы, теперь не знал, чего ему больше бояться – опасной ёлки с пляшущим на ней зайцем или тихой волчицы с острыми зубами, в отчаянной попытке заслужить прощение он сделал последний сумасшедший прыжок. Он умудрился снова ухватить зайца и медленно опустил вместе с ним на снег, не уставая в тревоге поглядывать на согнутую вершину дерева. Как и в прошлый раз, оно согнулось снова практически до земли. Шерсть на холке волка стала дыбом, он ожидал какого-то очередного подвоха, возможно, мощного удара, но гнев его подруги не давал ему теперь права выпустить добычу из пасти. К счастью для него, неожиданного ответного удара не последовало. Согнутое дерево так и осталось склонённым над ним, но стоило волку повести челюстью и сдвинуться с места, как гибкий ствол дерева сразу же начинал тоже двигаться, отчего волк злился и ещё сильнее рычал, стискивая зубы. Выпустить же свою добычу он не мог, считая, что так будет безопаснее, а вкус и запах свежей заячьей крови слишком сильно щекотал ноздри. Волчица не стала мучить своего партнера. Она постаралась как можно скорее вывести его из этого состояния. Она приняла зайца своей пастью, и не обращая внимания на отчаянно раскачивающийся ствол ели, в два укуса отгрызла зайцу голову. Ель мгновенно распрямилась, приняв исконно присущее ей от Природы вертикальное положение, теперь не принося никому никаких неудобств.

Теперь можно было в мире и покое разделить заслуженную трапезу, изловленную таинственным деревом, между верными компаньонами, что и было тотчас же сделано к вящему удовольствию присутствующих.

В бесчисленной чреде прогалов и тропинок таинственные танцующие высоко в небе зайцы попадались им всё чаще, и у волчьей пары было достаточно времени внимательно осмотреть и обследовать их. Волчица, как более храбрая шла к добыче всегда первой, а Одноглаз, испуганно кося взглядом, всегда следовал за ней чуть поотдадь. Ему было на что посмотреть и чему поучиться у своей подруги, во всяком случае полезному и волшебному искусству безопасно обчищать человечьи западни.

И их опыт и великая наука кидать обманщиков в дальнейшем сослужила им хорошую службу.

Глава II. ЛОГОВО

В течение двух дней Волчица и Одноглаз уныло шлялись вокруг индейского лагеря. Одноглаза что-то сильно тревожило, и он дёргался и нервно поскуливал на далёкие дымы посёлка, трусливо поджимая хвост, а Волчица, словно привязанная к человеческому обиталищу невидимой нитью, упорно бродила вокруг посёлка. Его удивляло её желание крутиться вокруг явной опасности. Но как-то ранним утром, когда всё вокруг было тихо, как в Раю, внезапно раздался хлёткий выстрел и в каком-то дюйме от головы Одноглаза в ствол вошла пуля. Это было вещим сигналом, и после этого у волков не возникало никаких сомнений в правильности единственно верного решения – бежать отсюда сломя голову. Длинными упругими прыжками они припустили вдоль извилисто лесной тропы, в несколько секунд увеличив безопасное расстояние между ними и безжалостным стволом. Бежать им пришлось совсем недолго – дня три, не больше. Волчица меж тем своих поисков не оставляла, а наоборот, казалось, только обретала всё большее упорство в осуществлении своей тайной цели. Волчица за последние дни изрядно отяжелела и ей было совсем непросто преодолевать такие расстояния. Как-то раз, в разгар преследования зайца, охоты, в ходе которой раньше ей ничего не стоило за несколько минут настичь добычу, она вдруг прекратила атаку и лениво разлеглась на пушистом снегу. Отдохнула она теперь довольно часто и подолгу. Однажды во время такой лёжки Одноглаз боком подрулили к ней, но не успел он ткнуть в её шею носом, как она взвилась в дикой ярости и укусила его, а Одноглаз в комическом ужасе отвалился от неё, упал на спину и стал потешно отбиваться от её наскоков с шутливым энтузиазмом, широко разевая пасть и шумно дыша, когда его настигали её острые зубы. Скоро Волчица стала вовсе нетерпима, её характер окончательно испортился, и надо только представить себе мужественное многотерпение Одноглаза, который стоически выносил все её выходки. И вот Волчица наконец обрела то, что так долго искала. Это было несколькими милями вверх по течению мелкого, извилистого ручья, который летом втекал в Маккензи, теперь же, в разгар зимы, ручей представлял из себя скопище ледяных глыб, от истоков до устья обратившийся в сплошную полосу промёрзшего искристого льда. Склонив голову почти до земли, в этот день волчица усталой рысью брела позади Одноглаза, который оторвался от неё довольно далеко, и задержавшись внезапно у нависшей над берегом высокой скалы, стала нюхать обрывистый глинистый навес над замёрзшей водой. Она вперилась в этот обрыв и внезапно приблизилась к нему. Потоки обычного в этих краях буйного половодья вымыли в береге узкую длинную трещину, за которой угадывалась небольшая глинистая пещера. Она на мгновение задержалась у входа в эту пещеру и стала внимательно присматриваться к нависавшей над ней стене, потом обежала вокруг неё и остановилась там, где кончался обрыв и начинался длинный, порлогий скат. Через узкое, едва преодолимое отверстие она пролезла внутрь. Особенно трудно ей дались первые три фута, тут ей пришлось медленно ползти, и только потом пространство стало быстро расширяться, превратившись в итоге во вполне просторную пещеру. Пред ней была почти идеально круглая площадка футов шести диаметром. Волчица почти касалась здесь холкой потолка. Внутри было сухо и довольно уютно. Волчица сразу принялась осматривать и обживать пещеру, а Одноглаз, чтобы не мешать ей, стоял у входа, как верный и терпеливый страж и только наблюдал за ней, слегка наклонив голову набок. Она медленно склонила голову, опустила её почти до самых сведённых вместе лап, потом волнообразно изогнувшись пару раз перевернулась

вокруг своей оси, не то со вздохом усталости, не то с нескрываемым наслаждением, потом быстро подогнула ноги под себя, заурчала и растянулась на глиняном полу, устремив стеклянный взор ко входу. Востря подёргивающиеся чуткие уши, Одноглаз втайне улыбался ей всей своей душой. И готов был подсмеяться её довольству. Волчица задрала глаза и увидела, как в светлом, осиянном пятне входа в пещеру как маятник весело мечется венчик его хвоста. Ничего добродушнее этого хвоста ей в жизни видеть не привелось. Голод был единственным чувством, которое сейчас испытывал Одноглаз. Ему удалось наконец заснуть у входа в пещеру, но сон его был чуток и полон тревожных фантомов. То и дело его уши начинали трепетать, это означало, что он просыпался и принимался принюхиваться и прислушиваться к тому, что нащёптывал ему этот мир, уже залитый ярчайшим апрельским солнечным светом и присматривался к игре солнечных пятен на свежем снегу. Но лишь только опять на Одноглаза накатывала клейкая дремота, и он начинал клевать головой, звонкие голоса весенних ручейков затевали серебряный перезвон в его голове, они что-то нежно нащёптывали ему, он пытался осознать, что и тогда открывал глаза и поднимал голову, начиная с напряжением влущиваться в доносившиеся звуки. Теперь на небе снова полновластно царило Солнце, посылая приказы всем своим живым порождениям, и зычный призыв пробуждающейся жизни властно прокатывался по оживающему Северу. Воздух наполнялся едва ощутимым клейким ароматом весны, и даже под снегом теперь осторожно копошилась новая жизнь, деревья переполнялись соком, и ледяные оковы с треском отоскакивали от набухших почек. Одноглаз озадаченно посматривал на подругу, но ни в её глазах, ни в её позе не было и намёка на то, что она намерена сдвинуться с места и подняться со своего жёсткого ложа. Он огляделся вокруг и увидел полдюжины чирикающих в восторге снегирей, заметив движение волка, они шумной стайкой вспорхнули с места. Волк лениво проводил их взглядом, потом посмотрел в сторону своей подруги, пытаясь понять, не желает ли она чего-либо, и не заметив в своём окружении никаких изменений, стал снова подрёмывать и клевать носом. Волк сердился, как на зло его не желали оставить в покое. Сквозь дремоту до него донеслось надоедливое жужжание. Дремота сладкими волнами накрывала его, и он обмахнул пару раз свою морду мощной лапой и, зашевелившись, проснулся. Возле самого кончика его носа вился наглый комар, не уставая надоедливо жужжать. Комар был просто огромен, вероятно он провёл холодную зиму в каком-нибудь тёплом, мшистом пне, и теперь по воле всевластного Солнца проснулся от оцепенения и выбрался наружу. Весёлая игра с длинноногим летуном развлекала волка. Он всё сильнее ощущал, что настало время, когда никому не будет дано противиться живительному призыву оживающей Природы. Единственное, что портило эту гармоничную картину и настроение волка – ему страшно хотелось есть. Одноглазу ничего не оставалось, как подползти к своей подруге. Мысль поднять и развеселить её не оставляла его головы. Но Волчица только огрызнулась и рыкнула на него. Он оставил её, выбрался из пещеры и решил отправиться один. Снаружи ему в глаза ударил нестерпимый солнечный свет. Снег под ногами был рыхл и проваливался под ступнями, волк понял, что его миссия будет нелегка. Он двинулся вверх по течению ручья, он по-прежнему был покрыт толстым слоем льда. Волк двигался прыжками от дерева к дереву, по тем местам, где лежала густая тень и снег, слежавшийся за зиму, был ещё достаточно твёрд, восемь часов прошли в бесплодных и тяжёлых скитаниях и в пещеру волк вернулся до темноты ещё более измождённым, голодным и уставшим, чем был. Не раз дичь попадалась ему на глаза, но поймать её он был не в состоянии. По талому насту зайцы легко уходили от погони, а волк то и дело проваливался в полыньи

и бесплодно барахтался в снегу, теряя и силы. При входе в пещеру странное смутное чувство заставило Одноглаза на мгновение замереть и прислушаться. Слабые, неясные, незнакомые звуки доносились изнутри. Это явно не был голос волчицы, но в этих звуках всё равно угадывалось нечто до боли знакомое. Одноглаз осторожно пролез в пролом и натолкнулся на предостерегающее рычание подруги. Он не слишком испугался этого рыка, но решил не испытывать судьбу, и почёл за лучшее держаться на изрядном удалении от неё. Теперь его интересовали совсем другие звуки – едва слышные, слабые повизгивания, похожие на плач. Сердитое рычание волчицы стало громче. Свернувшись клубком у входа в пещеру, уставший волк положил голову на лапы и заснул. С наступлением утра в логово проник тусклый утренний свет, и проснувшийся волк стал снова прислушиваться, пытаясь понять источник новых звуков, доносившихся со стороны Волчицы. В грозном порывании волчицы Одноглазу мерещились теперь новые оттенки – в нём мерещилась ещё и тупая животная ревность. Однако ему удалось разглядеть между ногами волчицы пять крошечных, пышистых, живых клубков. Это были новорождённые волчата. Слепые, слабенькие, совершенно беспомощные, они только тихо повизгивали, пытаясь открыть глаза на свет. Новое чувство – смесь крайнего удивления и нежности овладело Волком. Не надо думать, что такое было впервые в жизни Одноглаза, нет, за его суровую, долгую, саостоятельную, полную удач, страданий и приключений жизнь он уже много раз сталкивался с тайной рождения новой жизни, но каждый раз это сопровождалось чувством радости и удивления. Беспокойный взгляд волчицы озадачил и остановил его. Волчица внимательно поглядывала на него и глухо порывивала, а по временам, когда он пытался подползти к ней и оказывался слишком близко, ворчание взмывало, становилось громким и свирепым. Древние инстинкты, далеко опережающие у всех матерей-волчиц жизненный опыт, теперь подсказывали ей, что отец-хищник способен, будучи голоден, съесть своё немощное потомство, и хотя ничто не говорило сейчас о таком исходе, её опасение было совсем не лишним. Всё равно опасения и страх заставляли её отгонять Одноглаза от волчат, порождённых его семенем. Но на самом деле никакой опасности им не грозило. Старый Одноглаз и сам теперь был подвержен ханжеству и начинал испытывать импульсы древних инстинктов, которые достались ему от бесконечного ряда его предков – отцов. Не вдаваясь в существо этих инстинктивных импульсов, не имея возможности анализировать их, Одноглаз с разу предался их природной силе, и ощутил это странное и живительное влияние, Одноглаз повернулся спиной к волчице и копошащемуся под ней его новорождённому потомству и отправился на поиски еды. Милях в пятишести от его логовища была излучина ручья, и два его рукава под прямым углом уходили в горы. Одноглаз избрал направление и пошёл вдоль левого рукава, где через какое-то время учуял чей-то явный след. Он тщательно принюхался и выяснил, что след совсем свежий. Тогда волк лёг на снег и посмотрел в том направлении, куда вёл след. Потом он вскочил, не спеша повернулся и потрусил вдоль правого рукава. Следы, которые были пред ним, были куда крупнее его собственных, и волк понимал, что там, куда они уводят, брезжит гарантированная надежда на сытость и довольство. Полмилей выше по течению его чуткое ухо уловило какой-то невнятный, скрежещущий звук. Неслышно подобравшись как можно ближе к его источнику, волк увидел дикообраза у дерева – привстав на задние лапы, он увлечённо точил зубы о дерево. Совершенно не уверенный в успехе, Одноглаз сзади мягко подобрался к дикообразу. Одноглаз хорошо знал Север, и сообразил, что ещё никогда раньше так далеко на севере дикообразы ему не попадались. Со стыдом он мог признаться лишь самому себе, что за всю свою охотничью карьеру ему так и ни разу

не удалось полакомиться дикообразным мясом. А надо бы! Но тот же опыт, который предостерегал от головокружения от успехов, подсказывал, что в этой странной жизни бывает непредсказуемая удача, и если счастье вдруг повернётся к нему лицом, чем чёрт не шутит, может и выгорит на сей раз дивное дикообразье жаркое. В конце концов, при встрече двух живых существ никогда не знаешь, чем закончится эта встреча. Почуввав угрозу, дикообраз тут же свернулся плотным клубком, растопырившись во все стороны длинными, чёрными, острыми иглами. Нападение пришлось прекратить, никакого смысла в нём теперь не было. По молодости Одноглаз ещё мог совершать смешные ошибки, но не теперь. Ему вспомнилось, как однажды по молодости он ткнулся носом в такой клубок и получил по носу свирепый удар по морде. Одна из игл так и засела в его носу, причиняя при движении такую острую, мучительную боль, что слёзы две недели застилали его глаза, пока игла сама собой не вышла из его носа. Он лёг поодаль, не более, чем в футах от кончика хвоста дикообраза и затаился, принуждая себя покорно ждать подходящего для нападения момента. Никто не знает, что будет, надо надеяться на лучший исход! Жизнь довольно часто заставляет нас караулить свой шанс и ждать, притаившись во тьме ночи. Вдруг дикообраз молодой и неопытный, и ему придёт в голову, что всё успокоилось, и он развернётся. Тогда грянет миг резким, ловким ударом раскроить нежное, ничем не защищённое брюхо врага. А потом... Прошло полчаса полной неподвижности. Далее ожидать чудес не имело смысла. Одноглаз злобно и шумно поднялся, свирепо оскалился на неблагодарный клубок и зарычал. Ответа не последовало, и волку ничего не оставалось, как гордо покинуть поле битвы и двинуться дальше. Этот эксперимент только подтвердил опыты былых времён – сколько бы Одноглазу ни приходилось вот так караулить свернувшегося дикообраза, в этом никогда не было никакого смысла, и всегда приходилось уходить, не солоно хлебавши. Тратить на дикообраза своё время не имело никакого смысла. Оглянувшись на коварную добычу в последний раз, Одноглаз затрусил вдоль по правому берегу замёрзшего ручья. День был на исходе, и ничего не свидетельствовало о том, что поиски еды закончатся удачей. Теперь волка толкал вперёд только пробудившийся во всей силе закон Природы – Закон Отцовства. У него не было ни йоты сомнения, что как бы ни кончился этот день, но он обязан вернуться к своей волчице с законной добычей. Незадолго до полудня ему на глаза попала белая, крупная куропатка, вернее сказать, они попались на глаза друг другу, очутившись нос к носу, когда он внезапно вынырнул на поляну из густого, колючего кустарника. Куропатка, нахохлившись, сидела на корявом, старом пне, и до неё от кончика его носа было не более футов. Они узрели друг друга практически одновременно. В одно мгновение мелькнули раскрывшиеся для взлёта крапчатые крылья птицы и стрелой метнулась мощная лапа, сбивая её вбок, от удара птица кувыркнулась и ударилась о землю, и через мгновение с лязгом сомкнулись острые волчьи зубы, прерывая её истощенные метания по снегу. Сотой доли секунды не хватило куропатке, чтобы не погибнуть, спастись, и этого мгновения ей дано не было. Волк схватил её на взлёте. Раздался хруст костей и несколько перьев отлетело в сторону. Зубы хищника ощутили нежное, свежее мясо и смыкались всё сильнее. Потом в глазах волка появилось совсем другое выражение, и он, как будто вспомнив давний наказ, что было сил припустил бежать к своей пещере, сжимая куропатку в зубах. Он быстро пробежал вдоль ручья своей беззвучной поступью ещё мило, скользя вдоль замёрзших деревьев, как лёгкая тень, на мгновение останавливаясь у каждого изгиба ручья, чтобы оглядеть и оценить картину, и в какой-то момент ему снова попались на глаза отпечатки этих больших, мощных лап. Следы вели туда же, куда стремился и сам волк,

и надо было быть готовым в любую секунду лицом к лицу столкнуться с обладателем этих могучих конечностей. Здесь ручей совершал крутой поворот, и волк осторожно заглянул за выступ скалы. Увиденное его зорким глазом заставило волка напрячься и буквально вжаться в мёрзлую, комковатую землю. Он впервые увидел зверя, оставившего такие мощные следы на снегу – это была крупная, зрелая самка рыси. Она возлежала, напрягшись в ожидании на том же самом месте, где ещё недавно лежал он сам, и караулила свернувшегося клубком дикообраза. Если раньше бегущего вдоль корней деревьев Одноглаза можно было сравнивать с проскальзывающей тенью, то теперь он двигался так, как будто был эхом той малоприметной тени. Шаг за шагом, медленно и неуклонно он огибал с подветренной стороны недвижимую, как древнее извание пару – затаившегося дикообраза и дремлющую в ожидании рысь. Спешить было нельзя. Волк улёгся на снег и положил куропатку сбоку от себя. Сквозь просветы в густых сосновых ветвях он с пристальным вниманием наблюдал теперь за очередным актом вечной борьбы за жизнь между хищником и жертвой, игры, исход которой никогда и никто не мог знать заранее. Здесь шансы дикообраза и рыси были равны, и шёл поединок выдержки дикообраза и упорства рыси. Каждый здесь делал свою ставку, полагая свои шансы предпочтительными. Сама же игра имела очень просто смысл – один из участников намеревался съесть другого, а другой всего лишь желал не быть съеденным. Как ни странно, старый волк вознамерился принять участие в этой игре, издали наблюдая за полем битвы хитрости и выдержки, втайне испытывая особое предчувствие, что ему каким-то удивительным образом удастся не только выйти из неё живым, но и остаться с наваром, обрести новую добычу, которая нужна была ему в гораздо большей степени, чем в ней нуждалась рысь. Минуло полчаса, канул час, и ничего не произошло, всё оставалось на своих местах. Мяч по прежнему топырился острыми иглами, сохраняя полную неподвижность, и если бы не слишком правильные, плавные формы, его вообще можно было бы принять за камень. Рысь тоже не двигалась, превратившись в напряжённое мраморное изваяние. Одноглаз – третья вершина этого фантастического треугольника – лежал, как мёртвый. Их неподвижность была такова, что окажись вблизи внешний наблюдатель, ему едва ли удалось увидеть их. А между тем внутри этого сконцентрированного в точку немотствия клокотала огненная жизненная воля, воля на грани боли и срыва. Едва ли кто из них, оставаясь с виду каменным столпом, когда-либо ощущал такое напряжение всех сил и веры, какое они все испытывали сейчас. Едва видимым плавным движением Одноглаз чуть подался вперёд, ещё больше изоцряя своё зрение и слух. За сосной, которая сильно загоразивала ему вид, меж тем происходили какие-то метаморфозы. Ожидание длилось слишком долго, и дикообраз наконец решил, что его преследователь убежал, и бояться больше нечего. Крайне медленно, так, чтобы это было практически незаметно, он стал распластываться и расправлять свою непробиваемую чешую. Голодный живот Одноглаза сжался, и горячая слюна стала заливать его гортань. Это была живая, желанная дичь с горячим, свежим мясом – то, о чём он мог только мечтать. Почти готовое, сказочное блюдо! Дикообраз ещё не успел развернуться совсем, когда вдруг увидел своего ненавистного врага. Молнией он стал сворачивать свою защитную броню, но рысь на какую-то долю секунды опередила его, стрелой выбросив мощную, когтистую лапу. Рысь вовремя нанесла свой удар, с быстротой которого едва ли смогла бы поспорить даже молнии с небес. Крепкие, длинные, острые, как сабли, полусогнутые когти зверя полоснули по розовому брюху дикообраза, распоров его, и мгновенно отдёрнулись назад. Но и для рыси это было не простое и небезопасное мероприятие. Развернись дикообраз на секунду позже, не заметив караулящей

его рыси, у неё было бы время, доля секунды, чтобы отдернуть лапу, чтобы она осталась невредимой, но дикообраз на сей раз был в таком положении, что когда рысь отдергивала лапу, неистовая боль пронзила бедное животное, и дикообраз всей своей силой ударил рысь хвотом и всадил в неё рой своих ядовитых игл. Всё произошло с такой скоростью, что глаз человека наверняка не смог бы почти ничего заметить – ни коварного удара рыси, ни ответного хука дикообраза, ни смертельного его взвизга, ни яростного вопля большой кошки, впавшей в шок от боли и смещения. Античная трагедия была в полном разгаре. Охваченный нетерпеливым порывом, Одноглаз привскочил и напрягся. Он буквально дрожал от возбуждения. Его хвост вытянулся и замер. Рысь, потеряв от боли остатки разума, с яростью набросилась на дикообраза, источник испытанной ею неистовой боли. Хрипя и визжа, пытаясь снова свернуться в клубок и скрыть вывалившиеся на снег внутренности, дикообраз извернулся и снова нанёс рыси мощный, хлёткий удар хвостом, вонзив в рысь новую порцию жестоких игл. Рысь снова завертелась и неистово завизжала, её боль была едва ли переносима, и она отпрянула назад, фыркая и отчаянно тряся головой, её большой чёрный нос, сплошь утыканный чёрными точками, теперь был похож на бабушкину подушечку для иголок. Спасения от боли не было, и рысь то царапала себя когтями по морде, то била себя лапами, тщетно стараясь избавиться от болезненных укусов. Она то замирала на мгновение, то прыгала из стороны в сторону, то тёрлась о ветки и заснеженный мох. Будто огонь сжирал её морду, и рысь металась вокруг полумёртвого дикообраза, не помня себя от дикой боли и страха. Не переставая выть и фыркать, рысь истошно дёрнула головой и била по земле своим длинным хвостом, а потом вдруг легла на снег и затихла. Одноглаз не сводил с неё пристального взора. Вдруг он привскочил и напрягся. Холка его вздыбилась – рысь вдруг взметнулась высоко вверх и бросилась прочь, громко завывая, нелепо прыгая и сопровождая каждый свой прыжок неистовым визгом. Её дикие крики постепенно замирали вдаль, и только когда совершенно замерли в пространстве, Одноглаз робко двинулся к месту охотничьей драмы. Он ступал так деликатно, так осторожно, как будто был не волком в лесу, а балериной в театре, и издали казалось, что он рассматривает каждый дюйм земли под ногами, опасаясь увидеть там ряды окровавленных иголок или что-то похуже. Да, он и в самом деле опасался за мягкие подушки своих лап, опасался, что острые дикообразьи иглы вонзятся в них точно так же, как они вонзились в нос рыси. Дикообраз был ещё жив. Он увидел волка и приветствовал его истошным, отчаянным визгом и лязгом зубов. Каким-то чудом ему удалось почти свернуться, но было видно, какая серьёзная рана расползлась у него на животе. Дикообраз медленно исходил кровью и погибал. Мышцы на животе его были разорваны, живот был празорван почти посередине и часть кишок вывалилась наружу. Он продолжал испытывать мучительную жажду жить, но боль и невозможность двигаться, так же, как онемевавшие конечности мучили и изводили его. От прежнего клубка ничего не осталось и в помине, под дикообразом образовалась большая кровавая лужа. Во тьме слышался тяжёлый хрип. Одноок, не сводя глаз с дикообраза, прыгал и, широко раскрыв пасть, жадно заглатывал снег со сгустками крови. Но такая закуска только распалила терзавший его внутренности огненный голод. Ему конечно хотелось броситься на добычу и одним ударом добить её, но огромный жизненный опыт и пришедшая с ним зрелая осторожность на сей раз стопорила его. Слишком опасно! Ещё преждевременно! Надо лучше выждать! Сколько придётся ждать, он не знал, но был готов ждать столько, сколько нужно, хоть до конца света! Поднятые дыбом иглы дикообраза теперь мелко подрагивали, и опускались, а потом снова его пробивала дрожь и иглы, погромыхивая,

взлетали вверх. Одноглаз лёг совсем рядом с дикообразом, прямо перед ним и положил голову на лапы, наблюдая. Дикообраз бесился от боли и вида врага и дико скрежетал зубами, но теперь этот скрежет часто переходил в тяжёлый хрип и жалобное тихое повизгивание. Скоро иглы на шкуре дикообраза вообще опустились, и по ним лишь пробежала неровная, резкая дрожь, и наконец настал момент, когда дрожь прекратилась. В это мгновение Одноглаз уловил последний лязг зубов дикообраза, и дикообраз замер – его обмякшее тело больше не шевелилось. Несколько раз нерешительно протянув лапу и так же нерешительно убирая её, волк наконец осмелился тронуть мёртвого врага, потом растянул того во всю длину и перевернул на спину. Не было никаких сомнений – дикообраз был мёртв. Внимательно обнюхав и осмотрев добычу, волк надёжно прихватил её зубами и побежал вместе с ней вдоль ручья. Он волочил дикообраза по снегу, отвернув в сторону голову, чтобы не наткнуться на острые, колючие иглы мертвеца. Но вдруг мысль ослепила его мозг, и он бросил дикообраза, он вспомнил, что забыл свою куропатку, и теперь надо обязательно вернуться за ней. У него на сей счёт не было ни малейших колебаний, что теперь надо делать – надо было съесть куропатку. Он расправился с ней в какие-то полминуты, и бросился в обратный путь к своей основной добыче. Немало потрудившись, он втащил тело дикообраза в пещеру. Волчица была тут как тут. Едва она обнюхала добычу, она подняла голову, медленно подошла к волку и ласково лизнула его в шею. А потом, будто вспомнив вечную заповедь Чащи и своих волчат, отпрянула прочь и злобно зарычала на Одноглаза, однако теперь не так злобно, как тогда, в первый раз. Теперь в её злобном рыке почти не было угрозы, а слышалось тёплое извинение. Её страх перед животным отцовским инстинктом потихоньку уходил. Одноглаз ни в чём не выходил из роли верного, преданного отца, и она не видела в нём ни малейшего желания пожрать потомство, так тяжело произведённое ею на свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.